

ОЛИВИЯ ТИШИНСКАЯ
У Истока. Хранители.

Том 1.
Явление

У Истока. Хранители

Оливия Тишинская

**У Истока. Хранители.
Том 1. Явление**

«Автор»

2016

Тишинская О.

У Истока. Хранители. Том 1. Явление / О. Тишинская —
«Автор», 2016 — (У Истока. Хранители)

ISBN 978-5-0062-7478-5

Они рождаются с непонятной тоской по неизвестному. Они похожи на нас, но они не мы. Мы никогда не различим их в толпе. Они ничем не выдадут себя, проживая обычную жизнь смертного. Никогда мы не узнаем, что они иные, даже глядя им в глаза. Они несут свой крест каждый день, из века в век. И мир стоит нерушимым, покуда они среди нас. Книга сочетает в себе семейную сагу, мистику, фантастику и философский трактат о пути каждого человека в жизни и его месте в мироздании. Герои развивают свои способности, мирятся с ними или отрицают их. Они выбирают путь денег или путь любви. Они выбирают стороны света или стороны тьмы. Для каждого из них – это поиски своего истинного предназначения, попытки понять, для чего же они пришли в этот мир и что их душа на самом деле хочет, какой след они оставят после себя и будет ли он вообще.

ISBN 978-5-0062-7478-5

© Тишинская О., 2016

© Автор, 2016

Оливия Тишинская

У Истока. Хранители. Том 1. Явление

Владение мастерством – это
медленные обдуманые шаги,
а не бездумная погоня
за волшебной силой.

Я.

Глава 1. Время быть

Тёмный коридор какого-то казённого заведения, судя по окраске стен и драному линолеуму. Лампа то и дело мигает. По коридору в полутьме идёт женщина, держась руками за живот. На линолеуме отчётливо различимы крупные капли свежей крови. Она зовёт:

– Помогите, пожалуйста, помогите, кто-нибудь...

Никого.

Я слышу голос:

– Тебе пора идти.

– Уже? Я не хочу. Там страшно. Можно я останусь?

– Нет. Иди. Он уже там, так что вам пора встретиться.

– Скажешь тоже. Я пока ещё помню свою будущую биографию. До «встретиться» я ещё успею её забыть.

– Его.

– Ах, да. Теперь его.

– Иди.

– Ещё минуту. А вдруг она умрёт?

– Если будешь медлить, умрёт. Ничто так не даёт матери силы жить, как её живой и здоровый ребёнок рядом. Иди.

И вот я здесь. Иду вслед за женщиной по коридору. Она рождает, но персонал спит. Обычная совковая больничка. Всем на всех...

В коридор выходит заспанная акушерка. Толстая тётка с мятым лицом:

– Ты чё, не могла до утра подождать? – прорычала она.

Женщина заплакала:

– Я рожаю, уже головка вышла!

– Смотри шею ей не сломай, – снова рявкнула акушерка.

Я злился. Очень. Хотелось порвать толстую тётку пополам, хотелось сказать ей, что она плохо кончит. Ведь я знал точно, видел сейчас тысячи нитей судьбы. Я ещё не был частью этого мира, ещё не вошёл в тельце малышки, что отчаянно пыталась появиться на свет. Не наполнил собой эту крошку. Я ещё помнил, зачем пришёл и что предстоит мне и ей. Я ещё помнил, сколь много времени пройдёт, прежде чем она вырастет и сможет открыть этот сундук с тайными знаниями, недоступными другим, прежде чем поймёт, что она не одна из них. Я сейчас мог помочь ей и себе только одним: начать исполнять наше предназначение. Я уплотнил своё тело и тётка меня увидела. Ну, не совсем меня, а призрака позади роженицы. Потом я подбросил ей картинки из её далёкого ещё будущего, но так, что тётку пробрал леденящий ужас и волосы встали дыбом. Акушерка увидела себя за решёткой, в обстоятельствах столь неприглядных, что и говорить не стоит. Через много лет её посадят за продажу лекарств из отделения. Но пусть она думает, что это случится сейчас, сегодня, если она промедлит хоть минуту, не сделает всё, что в её силах, чтобы я родился здоровым, чтобы она, моя будущая мать, выжила и была со мной.

Буквально через несколько минут я впервые вдохнул воздух этого старого нового мира и стал ею. Всё закончилось и началось вновь, как тысячи раз до этого.

Странное ощущение тёплого и местами уютного кокона не отпускало меня ещё некоторое время. Наверное, не случайно новорождённые так плохо видят и всё наоборот, чтобы живая душа не испытала слишком сильного шока, ведь она ещё помнит, кто она и зачем пришла. Со временем душа как будто засыпает. Ребёнок начинает видеть лучше этот мир своим физическим зрением и мозг замещает картинки далёкого дома на то, что окружает его здесь. А Исток остаётся где-то далеко на грани сна и яви. Недостижимый, желанный, родной. Постепенно исчезнет и само слово, останется только непонятная тоска внутри. Вечная. Неугасимая.

Так было и со мной. Я забыл, кто я и зачем пришёл. Но не до конца. Ибо таков был мой путь.

Глава 2. Я вижу

В садик малышка не ходила уже несколько дней. Высокая температура никак не спадала, от кашля всё болело внутри и мучали страшные тяжёлые сны. Мама и папа в них всё время ругались. Из-за чего, понятно не было. Но они постепенно увеличивались в размере и лопались от её страшного крика во сне. К ней, проснувшейся в поту, приходили то уставшая мать, то бабуля с распущенной длинной косой, которую в иное время и не увидишь, то папа, неизменно с утешением и сочувствием. Болеть было плохо.

В садике было лучше, если бы не перловый суп и варёная рыба, так вообще хорошо. Рисовать можно, лепить из глины и смотреть в окно как за забором строится высокий дом. Друзей особых у неё в группе не было. Скучные они какие-то, дерутся за игрушки и совсем им не интересно, как мир устроен. А тут такое каждый день за окном происходит. Дома растут, как грибы. Поднимают на краях какие-то кучи кирпича, а потом раз и окно, два и двери, три и к концу недели половина дома видна. Удивительно! А ещё летом мама и папа возили её на море. Каждый раз плакать хотелось, когда она вспоминала море и горы. Как будто уехала и потеряла что-то родное. И мороженое там было в шоколаде на палочке, а дома только в стаканчиках продавали. Папа сказал, у нас такое не делают. Почему? В других же местах делают?

А ещё в выходные показывали путешественников, как они по океану переплыли всю землю вокруг, а она круглая, но почему-то вода с неё вниз не падает. Как же так?! Разве не интереснее, как вода на земле держится, чем драка за игрушку? Всё равно потом в углу стоять. Глупо. Можно просто сидеть и смотреть в окно, как летит вверх кирпич и как к вечеру стена станет ещё выше, а потом в доме будут жить люди, большие и маленькие и у кого-то даже будет своя комната. У неё пока нет.

Воспитатели жаловались маме, что я не хочу играть с другими детьми. Мама сердилась. А я не умею играть. Я хочу знать, почему стена у дома ровная, хотя строители, я так вижу из окна, никакую линейку от земли до неба к ней не прикладывают. А мы с папой по линейке домик из картона мерили. Как же так?

А ещё я не умею в спектаклях играть в детском саду, забываю, когда мне что говорить. Я смотрю в окно, а там берёзы и ёлки качаются, так красиво. У берёз ствол белый, а ветки из окна чёрные, а ёлки, мокрые от ноябрьского дождя, такие яркие.

Скоро новый год. И мама подарит мне куклу. А я хочу коньки.

А ещё, когда температура зашкаливает и не до коньков вообще, мне снится сон. В комнате, где я сейчас лежу, около окна стоят девушка и юноша. Они взрослые. Наверное, лет по 20, может больше. Я ещё не понимаю, мне-то только 5 лет. Я только привыкаю к этому миру. Они держатся за руки и смотрят друг на друга. Улыбаются. Я встаю с кровати и подхожу ближе. Смотрю на девушку. Это я, когда вырасту. Красивая. Юношу я не знаю и не понимаю, кто он.

Но я очень часто вижу его во сне. Встретится на улице, точно узнаю. Я умная и у меня феноменальная память. Так папа говорит. Он очень мной гордится. Я с ним в шахматы уже играю, а мне всего-то 5 лет. Интересно, когда я папу обыграю?

Но кто же этот юноша, что держит меня взрослую за руки? Этот сон повторяется всякий раз, когда мне плохо или я болею. А болею я часто, да. Мне кажется, это от грусти. Мне не очень тут весело. Не знаю, как ещё рассказать. Грустно мне тут и всё.

Иногда мне хочется выйти из дома и куда-то долго идти. Однажды я дойду до края земли, а за ним пушистое белое облако и в нём что-то радостное. Мне хочется туда. Но земля круглая, а значит, у неё нет края.

Бабушка говорит, что на небе живут ангелы и боженька. Может, я хочу на небо? Но бабушка говорит, что туда попадают после смерти. А я не хочу умирать. Я хочу в космос полететь и увидеть боженьку сама из ракеты. Интересно, какой он? И на чём он сидит в космосе?

Иногда кто-то во сне говорит со мной. Я не понимаю, кто это. Он говорит, что я скоро его забуду, но не навсегда. Во сне, где этот голос, очень хорошо. Я чувствую себя, как дома и мне так хочется оставаться там подольше. Но голос говорит, иди, ты нужна там. Кому я тут нужна? Мне одиноко тут.

А ещё там я умею летать. Но люди летать не умеют, поэтому я никому ничего не говорю.

Со временем мне всё реже и реже снится этот голос и мне грустно от этого. Я иногда думаю, что, может быть, это мой дедушка, которого я никогда не видела. Он умер и живёт на небесах. Конечно, он меня любит, но оставаться там нельзя с дедушкой. Я ведь живая.

Там так уютно. Как дома. Даже ещё уютнее.

Глава 3. Отражения

Малышка стояла в коридоре перед классом и не могла понять, что с ней происходит. Она как будто была здесь и одновременно наблюдала за всем со стороны, откуда-то очень издалека. Всё видела, всё слышала, но мир казался слегка нереальным, чужим.

Она даже не чувствовала, как огромный портфель первоклашки тянет вниз и болят уже руки. Поставить бы его на пол, но она про него даже не помнила. Она следила за происходящим и проговаривала каждое слово, предугадывала каждое действие. Учительница из соседнего класса Римма Давидовна – худая, седая, строгая и хмурая – вышла из кабинета и с ходу накинулась на какого-то парнишку:

– Синцов, ещё раз ударишь... – прошептала малышка.

– Синцов, ещё раз ударишь Крапивина, я твоих родителей в школу вызову! Прямо к директору! – громко и властно заявила Римма Давидовна.

– ... я твоих родителей в школу вызову! Прямо к директору! – закончила вместе с ней шёпотом девочка.

Она уже знала наперёд каждый их шаг, каждое движение. Фамилии Синцова и Крапивина она первый раз услышала сегодня ночью во сне. Этот сон преследовал её весь день. Она в нём жила, а сон разворачивался с точностью до самых малейших деталей, сводя с ума. Первым кадром был выход из подъезда по дороге в школу. Именно здесь в голове что-то как будто щёлкнуло: я это уже видела, точно. Где? Во сне! Только что!

Девочка немного удивилась, но не испугалась. Следующие два часа страх и интерес боролись друг с другом, иногда мешая думать, превращая её всю в слух, зрение созерцание. Как на это реагировать вообще, она не знала, поэтому просто не вмешивалась в то, что происходило. За полдня в школе ничего нового. Всё как во сне: чётко, ровно, предсказуемо. До тошноты ровно, до головокружения предсказуемо.

Она читала события, как открытую книгу, каждую минуту как будто наблюдая жизнь со стороны. Как только ей удалось смириться с тем, что происходит и перестать паниковать, она увидела весь день, как будто яркий фильм. Причём весь одновременно, на тысячах экранов в

голове отразился каждый кадр. И каждый можно было приблизить и рассмотреть, услышать любое слово. Но она как будто и без этих картинок уже всё знала наперёд.

Девочка была внутренне готова к тому, что классная руководительница даже сделает ей замечание за невнимательность, но ничего поделать не могла. Она не знала, как остановить это кино, в котором она есть, но совсем не режиссёр и не главная героиня. Она наблюдатель, свидетель происходящего. У неё в этом фильме всего несколько реплик, которые не влияют на сценарий. Елена Васильевна обязательно скажет маме, и это будет плохо, очень плохо. Круглая отличница так вести себя не может, даже если ей семь лет, даже если она ходит в школу всего пятую неделю. Её мама такого не поймёт и не будет слушать ничего ни про какие сны. Ночью надо спать, а не сны смотреть. Таблицу умножения учить в лучшем случае, если совсем не спится. И ничего, что в советской школе её проходят намного позже. Пригодится. Или ещё какую-нибудь. Как там папа говорил? Таблицу элементов.

Из класса выбежала кучка ребят.

«Сейчас Локтев толкнёт Павлову, она взвизгнет. Следом налетит Медведев, стукнет Локтева портфелем по голове, тот упадёт. На шум выбежит Елена Васильевна, начнёт орать, Павлова реветь, а я... А я должна буду в это время надеть пальтецо зелёненькое и шапку голубую с белым помпоном. Ненавижу это ужасное пальто. Но маме лучше видно. Мы живём небогато. Надо носить, что есть, есть, что дают и учиться на пятёрки, иначе всю жизнь работать мне дворником или уборщицей».

Дома малышка пообедала и ушла делать уроки. Палочки, крючочки, буковки, циферки, стишок про осень. Этот стишок бабуля и отец ей сто раз рассказывали. Кажется, она родилась, зная его. Папа говорил, что раньше учителя ещё строже были. Куда уж строже? Она итак боялась до смерти эту Елену Васильевну.

Стишок можно не учить. Малышка закрыла учебник и медленно побрела на кухню. Ей невыносимо было одной в этом странном дне. К счастью, дома эта параллельная жизнь свернулась и она перестала видеть будущее. Видимо, сон на этом обрывался. Она не помнила. Малышка остановилась в коридоре у самого поворота на кухню и притаилась за углом. Закрыв глаза, она попыталась представить, что делает бабуля на кухне, вызвать продолжение сна, если он был. И так было понятно, что если она видела будущее так подробно, значит уже всё известно. Может, она увидит и сейчас? Но в голову ничего не приходило: мелькали страницы учебника, тетрадные листочки, она отчётливо различила запах чернил шариковой ручки, но бабушки не увидела.

– Кнопка, ты что прячешься? – позвала Екатерина из кухни.

Девочка вздрогнула и тут же выступила из-за угла:

– Как ты...? – она не смогла подобрать слово. Неужели бабуля тоже видит... Видит сквозь стены!

– Ты из комнаты вышла, дверь скрипнула, а музыка не заиграла, значит, ты не в зал пошла, а ко мне. И потом, тебя видно, горе-следопыт, вон твоя тень на стене, – Екатерина смотрела на неё по-доброму, но как-то грустно и сочувствующе.

– Прости, – почему-то ответила малышка.

– За что? – всплеснула та руками.

– Я не подглядывала, ты не думай, – малышка почувствовала, что не может совладать с подступившими слезами, – я не нарочно.

– Дурная девка, – кинулась обнимать её бабушка. – Что там в вашей школе с детьми делают! У тебя случилось что? Помарку в прописях сделала? Да бог с ней!

– Ты что?! – малышка не на шутку испугалась. – Меня мама лупить будет. Мне нельзя, я отличницаааа...

Она уткнулась в бабушку и разрыдалась в голос.

– Я твою мать сама отлуплю так, что она забудет, как её зовут, – дрожащим голосом сказала Екатерина. – Сама даже тройки в 1 классе домой таскала, так я ей ни слова плохого не сказала, в кого только выросла, гадина такая.

Малышка отстранилась:

– Тройки?! И ты её не лупила?

– Конечно, нет. Не всем же академиками быть.

– А я буду академиком? – удивилась малышка.

Екатерина рассмеялась и поцеловала её в обе щеки звонко и с удовольствием:

– Если захочешь!

– Но я хочу строить кукольные домики... – тихо сказала малышка.

– Ну, значит, будешь, – ласково ответила Екатерина, целуя девочку в ровный пробор между русыми косичками.

Вечером бабушка и мама долго ругались на кухне, старались вполголоса, но девочка в своей комнате всё равно слышала и, наконец, устав, засунула голову под подушку, накинулась сверху одеялом и вскоре заснула. Чуть позже Екатерина её раскрыла, запотевшую и горячую, перевернула подушки, убрала с лица мокрые волосы и долго сидела рядом, гладила по голове, что-то шептала, тихонько всхлипывала. Девочка сквозь дрему чувствовала тепло её сухих ладоней. От них пахло свежим дрожжевым тестом и яблоками в сиропе. Значит, утром будут горячие пирожки. Она блаженно улыбнулась и отвернулась к стенке.

Мама пожелать спокойной ночи так и не пришла.

– Из школы не задерживайся, съездим кое-куда, – напутствовала девчужку утром Екатерина.

Глава 4. Свет

– Поехали! Куда? – радостно выпалила девочка, как только ворвалась в квартиру, не в силах спокойно перешагнуть даже порог дома.

– В церковь, – сказала очень спокойно бабуля. – Хочу помолиться за тебя, крошка. Наверное, пора тебя учить. Но мне немного страшно. Я не знаю, как.

Девочка побледнела:

– А чему?

– Вот и хочу спросить совета у твоих ангелов-хранителей. Помолиться я и дома могу, и в поле. Но там есть связь. Церкви-то не в простых местах строили, а там, где сила. Всё, переодевайся. Обедаем и вперёд.

Посреди дня в церкви никого не было. На входе убиралась пухлая тётка в сером застиранном халате поверх кримпленового платья. Они с Екатериной поздоровались, как старые знакомые. Бабуля покрыла голову платком и повязала косынку внучке. Девочке стало страшновато и неудобно.

Храм был наполнен золотистым светом, в солнечных лучах густо клубилась пыль. У алтаря собирали свечные огарки старенький лысоватый дедок, худющий и согбенный, и высокий темноволосый молодой священник. Бабушка ставила свечи, долго молилась шёпотом, была сосредоточенной и взволнованной.

Девочка скучала и разглядывала убранство церкви. Бабуля держала дома всего одну старинную иконку, чуть больше альбома для рисования. Точнее, таков был размер деревянного оклада, широкого и глубокого. Сама маленькая иконка располагалась посередине. Всё пространство вокруг занимали цветочки из бумаги и фольги. Хранила она её на шкафу, за чемоданами и другим скарбом. Так, что никто из посторонних не видел. Если же в доме должны были оказаться гости: свои или чужие – значения не имело, особенно с ночёвкой, бабуля накрывала

иконку лежавшим там же белым покрывальцем. Перед сном, когда уже в доме было темно, бабуля стояла перед шкафом и молилась туда, вверх. Свет фонарей пробивался через щель между шторами и откосом окна. Обычно он освещал только голову, плечи и руки и это выглядело пугающе и очень мистично. Девчушка наблюдала за бабулей с трепетом и едва дыша. В школе говорили, бога нет, и на работе у бабули и родителей могли быть неприятности, если бы икону кто-то увидел дома. И мама сильно ругалась, когда узнала, что девочка знает молитвы наизубок. Тогда зачем они вот так открыто приехали в церковь? Что теперь будет с бабулей и с ней? Отвлечь бабулю и спросить она не решалась. Она знала, та сейчас разговаривает с её ангелом-хранителем и просит его разрешения на учёбу девочки. Что будет, малышка не могла предположить, но почему-то внутри было щекотно и радостно. И немножко тревожно. От волнения она начинала ходить по церкви туда-сюда, разгадывая всё вокруг.

Одно место показалось ей очень знакомым, как будто так уже было. Так же через окно лился золотистый солнечный свет, покачивали кронами деревья, только листочки были тоненькие и сочно-зелёные. «Это был май», – твёрдо была уверена девочка. Она повернула голову, следуя за своими воспоминаниями. Вот старенький священник, которого она только что видела, в свете косых солнечных лучей поднимает над головой младенца и что-то говорит. Около него стоит мама, поодаль крёстная и бабуля. Девочка буквально почувствовала, как волосы на голове зашевелились. Конечно, это она. Это её крестины. Она покачнулась, едва не потеряв сознание, и в тот же миг увидела всё это глазами только что крещёного младенца. Оттуда сверху, с высоты поднятых вверх рук ещё крепкого тогда дедули-священника, что стоит сейчас чуть поодаль. За окнами глазами малышки она видела каменный белёный забор, за ним старое жёлтое здание бывшей гимназии, где сейчас Дворец пионеров. Перед оградой дворца тощие тополя с белыми снизу стволами и на металлическом щите красуется надпись: «Слава труду!»

Она всё это помнит! Помнит, потому что видела своими глазами! Разве такое возможно?!

Екатерина погладила её по голове:

– Красиво тут и тихо, правда?

Девочка быстро повернулась:

– Бабуля, я помню, как меня крестили. Вон тот дедушка. А из окна я видела домик и «слава труду». Это было в мае, да?

С лица Екатерины сползла улыбка, а губы побелели. Она медленно перекрестилась:

– Ну, вот и началось.

– Что?

– Знать бы... Поедем домой. Уроки делать пора.

Девочка грустно вздохнула и взяла бабулю за руку.

По дороге домой они не разговаривали.

Буквально пару дней спустя прямо посреди урока учительницу вызвали из класса. Она строго приказала сидеть тихо и ушла. Не прошло и пяти минут, как она стремительно вошла в класс и с порога заявила:

– Теперь можно ходить в церковь. Бог есть.

Первоклашки ошарашенно молчали. Учительница, видимо, не решив, нужны какие-то пояснения к такой радикальной смене курса у школы, нервно прошлась вдоль доски пару раз, подошла к столу, поводила пальцем по своим записям и, пытаясь изобразить безмятежную улыбку, перешла к домашнему заданию.

– Бог есть! – ворвалась с диким криком домой девчушка.

В зале что-то грохнуло и в коридор выбежал взъерошенный папа. Из кухни медленно вышла Екатерина, вытирая руки о фартук.

– Дочь, поясни, – не поздоровавшись, сказал папа.

– Елена Васильевна сказала, что теперь можно ходить в церковь, потому что Бог есть, – скидывая портфель на пол, продолжала девочка. – А ещё Серёжкин брат, который в 7 классе учится, сказал, что им разрешили не носить галстуки и не вступать в комсомол. Вот!

Папа и бабуля устали друг на друга и молчали.

– Да помогите уже! – буквально крикнула девочка.

Папа вздрогнул и сделал шаг к дочери.

– Вот! – девочка тянула за пуговицу. Петелька старого пальто разлохматилась и пуговица запуталась в нитках.

– Надо зашить, – сказала Екатерина и пошла в спальню.

– Ага, – ответил папа. Он помог снять пальто и понёс его бабуле в спальню, где она уже разбирала коробку с нитками.

– Мам, ты знаешь, что происходит? – осторожно спросил он.

– Мир катится к чертям, – твёрдо ответила Екатерина, прикладывая к петле две катушки, чтобы подобрать тон нитки.

– Ты знала?

– Рано или поздно это должно было случиться. Держись за работу. И за неё, – она кивнула на внука. – Дальше будет очень плохо.

Папа невольно отшатнулся.

– Держись, говорю, – строго сказала Екатерина. – Возьми молоток и гвозди, прибей полку на кухне в углу. Полка на антресолях. Икону поставлю.

– Да, – папа поспешил уйти.

Девочка молча переодевалась за створкой шкафа.

– Бабуль, разве это плохо, что можно ходить в церковь?

– Нет, не плохо. Но когда об этом говорит правительство, значит надеяться остаётся только на Бога. Со своими задачами оно не справилось.

Девочка только пожала плечами.

– Урок тебе первый, – сказала Екатерина, разглядывая стежки. – Когда человеку страшно или не понятно, что делать, надо начать делать что-то простое и знакомое. Это успокаивает и внушает уверенность. И когда беда, и когда печаль, и когда жить не хочется. Надо начать делать маленькие простые задачи.

– И всё наладится?

– Нет, наладится не всё и не сразу. Но дорога откроется. Точно тебе говорю. Потому что все дороги они в душе. Она уже всё знает, что будет. Но страх глаза застит, то есть, закрывает. А как ты с закрытыми глазами идти будешь? Не туда или споткнёшься.

Девочка зажмурилась.

– Глаза и у души есть, – сказала бабушка, чиркнув ножницами. – Душой смотри, сердцем слушай. А глаза и уши обманут. Повесь пальто.

Девочка открыла глаза и взяла починённую одежду.

– Урок окончен, – сказала Екатерина, захлопнув шкатулку с рукоделием.

– И всё?! – удивилась малышка.

– Думаешь, этого мало? Научиться видеть душой и слушать сердцем могут единицы, уж поверь мне. Вон, у твоей матери вообще булыжник вместо сердца. Как будто не моя дочь. Сила не просто её стороной обошла. А прямо очень большой крюк сделала. И это хорошо. Таким силу давать нельзя. Беда одна будет. Дополнительный урок тоже окончен. Марш руки мыть и обедать.

Вечером на маленькой кухоньке их квартиры было народу больше, чем вообще могло поместиться. По привычке говорили тихо, много курили. Несмотря на открытое окно, дым

тянул под дверь. Девчушка то и дело тёрла нос, который нещадно щипало и пыталась не чихнуть. Ноги мёрзли, потому что с дымом вместе по полу струился холодный воздух из открытого в кухне окна. Она различала лишь цветные пятна за огромным рифлёным стеклом белой двери. Но то, что произошло в школе, вызвало нешуточную тревогу у всех взрослых. Это и было главной темой посиделок. Девочка мало что понимала, но одно было ясно: взрослые подозревают, что грядёт что-то плохое, очень и очень нехорошее и будет ещё хуже. Как-то до этого она не очень понимала, хорошо оно или плохо, сравнить было не с чем. Жили, как все. Но, видимо, жили как-то не так. А теперь что?

Задумавшись, она не заметила, как дверь открывается, и в клубах удушающего сигаретного дыма на неё вывалилась мама:

– А ну брысь отсюда! – прикрикнула она и успела отвесить подзатыльник дочери.

Девочка заплакала и тихо поплелась в комнату.

– Ну и сука ты... – услышала она голос папы в коридоре, уже закрывая за собой дверь спальни.

Она упала на кровать, уткнулась в подушку и тихонько заплакала. Ну, за что?

Кто-то подошёл и сел рядом. Она глубже зарылась в подушку.

– Малыш, – папа осторожно погладил её по плечу. – Очень больно?

– Нет, – раздалось из-под подушки.

– Обидно?

Девочка снова тихо заплакала.

– Убил бы, веришь? Что за мать... Права твоя бабка: камень у неё вместо сердца. Малыш, посмотри, что я тебе принёс.

Девочка нехотя высунула взлохмаченную голову из-под подушки.

Папа хитро улыбался и держал в руке две большие вафельные конфеты с ананасами.

Девочка едва заметно улыбнулась.

– Ты когда так на меня смотришь, мне хочется весь мир перевернуть, – тихо сказал папа. – Люблю тебя, мой котёнок.

Девочка забралась к нему на коленки:

– Давай, поделюсь с тобой конфеткой, ты же любишь...

– Не надо, кроха, – он поцеловал её в макушку. – Лопай давай. Расти.

Ночью на кухне мама, бабуля и папа снова ругались. Доставалось всем. У каждого были свои претензии, обвинения и доказательства. Она так устала пытаться понять, что постоянно толкает их на эту непримиримую войну друг с другом и почему она так часто становится причиной этих скандалов. Иногда хотелось просто уйти в лес и чтобы там волки съели и закончилось вот это всё. Но волков она боялась. Точнее, боялась боли. А собак она любила. И волков. Особенно несчастного волка из «Ну, погоди». А зайца-террориста ненавидела.

Глава 5. Первый опыт

– Не хочу сегодня в школу. Когда гроза, всегда что-то плохое случается, – медленно размазывая по тарелке кашу, сказала девочка.

Екатерина поставила на стол чашку с чаем и присела рядом:

– Почему? – спросила она.

– У Елены Васильевны всегда настроение плохое. И она ругается.

– Ааа, – протянула бабушка, – известное дело. Мигрень у неё. Не лечится она просто. А от плохой погоды голова болит и раздражение. И на детях срывается.

– Ясно.

– Я тебя научу, как сделать, чтобы она в эти дни тебя не замечала, потому что лечить её я не стану. А тебе лечить ещё рано. У тебя своих сил мало. Брать силы у природы ты ещё не умеешь.

Девочка буквально зависла с открытым ртом, ощущая, как сотни мурашек стремительно мчаться куда-то вверх к макушке, шевеля волосы. Что-то ужасное и приятное одновременно дрогнула где-то в животе.

Екатерина с интересом и выжидающе смотрела.

– У меня по голове кто-то бежит, – наконец сказала девочка, прикрыв макушку ладошками.

Бабушка широко улыбнулась:

– Вот и славно. Это и есть сила. Твоя связь с высшими.

– С богом? – шёпотом спросила малышка.

– Угу, – ответила та и подмигнула. – С разными богами. С разными силами. Это как электричество. Бежит по проводам, его не видно, а лампочка горит и радио передаёт.

– А я лампочка или радио?

Екатерина удивлённо подняла бровь:

– Честно говоря, не знаю, но думаю, ты и то, и другое, раз задаёшь такие мудрые вопросы.

А теперь давай, я тебя научу, как прятаться от твоей учительницы, когда она злая.

– Давай, – охотно согласилась девочка.

– Бабушка, бабушка, у меня получилось, – закричала девочка, как только дверь в квартиру открылась. – Она на меня такая смотрела-смотрела, даже сказала, что вызовет. А я прямо в комочек вся сжалась и говорю: «я в домике, я в домике». А она такая смотрела-смотрела и говорит, а я тебя уже три раза вызывала, и в соседа моего пальцем вот так, – девочка вскинула руку и вышло страшновато и смешно одновременно.

Екатерина помогла ей снять пальто, молча улыбаясь, и не перебивая этот радостный поток. Один опыт сам по себе ничего не значил, это могла быть случайность. Но было ещё видение, чистое и ясное. А ещё отклик богов на её молитву. Однако проверить всё равно надо было. Страшно и странно было думать, что эта крошка с русыми косичками в семь лет умеет такие вещи, которые и взрослым ведьмам не запросто даются.

– Я пироги поставила, угадаешь с чем? – спросила бабушка.

Девочка потянула носом:

– С яблоками. Они уже пахнут.

Бабушка усмехнулась:

– А я думала, своим видением посмотришь.

– Что им смотреть, если они пахнут. И потом, я не умею им смотреть, – девочка развела руками. – Я же во сне вижу. А тут не умею.

– Будем думать, как тебя научить, – бабушка обняла девчушку. – Вот в этой умной и красивой голове уже все знания есть. Это я тебе точно говорю.

– А ты умеешь мысли читать? – спросила девочка. – Ну, вдруг там видно, как я понимаю, что будет?

– Нет, кроха, ничего такого я не умею. Я обычно у богов спрашиваю, если что-то надо.

– Меня научишь спрашивать?

– Научу, конечно. Это как раз не сложно.

– А что сложно?

– Сложно понять, кто ты.

– А ты разве не знаешь?

– Ты моя любимая внучка, которой досталось много даров от высших сил. Я таким не владею, поэтому научу тебя тому, что умею сама.

– А потом?

– Потом, наверное, ты научишь меня тому, что знаешь сама.

– Как?

– Да я и сама не знаю, как если честно. Разберёмся по ходу. Знаешь, есть такая история, что к каждому в жизни приходит свой учитель. Я не твой учитель, это точно, потому что ты умеешь больше меня. Но базу, так сказать, я тебе дам и не дам с пути сойти, пока ты и твой учитель не встретитесь в этой жизни.

– Как интересно. В этой жизни? А что, будут другие?

– Были и будут.

– И у меня была?

– А как же. У всех была. Наверное, потому ты такая богато одарённая, у тебя путь свой и он уже на небе написан.

– А его можно прочесть по звёздам или как?

– Ох, знать бы как. Я, конечно, попробую сделать, всё, что только можно. Но сейчас у нас пироги вынимать надо из духовки. А потом я поговорю ещё с одним другом и мы что-нибудь придумаем.

– Он как ты?

– Ммм... Хороший вопрос. И да, и нет.

Глава 6. Память

В выходные, несмотря на безрадостную погоду и мелкий дождик, бабушка настояла на поездке на дачу. Мама как всегда ныла, что в такую сырость и собаку не стоит на улицу выгонять. Но Екатерина резонно заметила, что сидеть дома и смотреть телевизор с плохими новостями куда хуже.

Дачу обогревали печка на первом этаже и буржуйка на чердаке в спальне бабушки и малышки. В общем, при нормальном запасе двор вполне можно было и пожить несколько дней.

Дом постепенно прогревался и к концу дня воздух в нём становился сухой, наполнялся запахами кухни, маминых неизменных духов и некрашеной сосновой доски, которой была обшита единственная комната на первом этаже.

На зиму на даче оставалась часть урожая, хитро спрятанная в уличном погребе. Грабили дачи зимой с поразительным упорством, обходя каждый дом. Поэтому любой визит сюда после завершения всех огородных работ, был похож на небольшой переезд. Вот и в этот раз сумка с едой и посудой потребовалась дорожная, огромная, с которой бабушка когда-то ездила учиться в Москву. Папа шутил, что в такой сумке она могла бы из столицы небольшого слона привезти. А бабушка с каких-то своих конференций и слётов привозила колбасу, безумно вкусно пахнущий шоколад, игрушки и новые книжки.

На даче папа включил радио. Оно что-то бубнило и периодически шипело. Он долго возился с антенной и обещал отличное качество уже скоро, мать опять недовольно ворчала, а бабушка позвала малышку в сад. В тихой беседке под мерное шуршание дождя так хорошо было пить чай с малиной и слушать её рассказы.

Екатерина начала издалека, как в войну они уехали из города в деревню, где хоть с едой было попроще. Половину деревни война уничтожила. Она так и была все те страшные годы на линии фронта. А когда наконец бои отошли достаточно далеко от жилья, бабуля даже в лес ходила за грибами и ягодами со своими старшими родственницами.

– Сныть, крапива, щавель... Ели, как козочки, как вообще выжили, сама не знаю. Когда сильные бои были, осень шла... Там не то что поле, огород боялись обрабатывать. То снаряд прилетит, то простреливают насквозь. Так с краю в лес ходили, который на нашей стороне, там дубравы. Собирали желуди и из них муку делали. А из неё лепёшки, – бабушка горестно вздохнула и отпила чаю.

– Вкусная еда из желудей? – осторожно спросила девочка.

Бабушка посмотрела на неё так грустно, что и ответа не требовалось:

– Горькие они, вымачивать долго надо, потом варить, а всё равно на вкус гадость редкостная. Но особо ничего не принесёшь из леса осенью, разве что грибы. Так у нас ещё сколько солдат было на передовой. Что в доме было, всё им отдавали, чтобы они сильнее были и отстояли нас у врага, – голос бабушки дрогнул, по щекам покатились крупные слёзы. Она поджала губы и медленно дышала.

– Страшно было? – девочка старалась заглянуть ей в глаза, но в них было так много слёз.

– Ага, – ответила Екатерина, поставила кружку на стол и взяла малышку на колени. – Однажды мы слышали гул самолётов. Уже знали, какие наши, какие немецкие. Кинулись с огорода в погреб бежать. Да не все успели. Я с маленькой девочкой соседской первая бежала. Казалось, что быстрее в жизни я никогда не бегала. Но девочка упала уже около порога. Я обернулась и увидела, как снаряд попал прямо в её маму, она последняя, после всех бежала. Все страшно закричали, меня кто-то сзади схватил и стало темно. Это меня в погреб засунули ко всем.

Девочка боялась пошевелиться. А Екатерина перевела дух, вытерла слёзы и продолжила:

– Потом только помню, что все плакали, страшно было и земля дрожала. Мне всё время казалось, что бомба попала в наш погреб и нас заживо похоронило. Дышать было трудно, я то ли заснула, то ли в обмороке была, не помню. А когда авианалёт закончился, мы вылезли и женщины пошли собирать тело погибшей соседки в плетушки.

– Мамочки мои, – девочка уткнулась в бабушкину грудь и тихонько плакала, цепляясь ручонками за кофту, как за последний оплот. Бабушка и вовсе рыдала в голос.

– Никогда этого не забуду, всю жизнь эта картина перед глазами стоит: плетушки с торчащими руками-ногами и полные кишок. Вот тогда решила, что всю жизнь буду изучать, как войны предотвращать, чтобы дети такого никогда не видели. Но ты запомни и детям своим передай: война – это страшно, это плохо, это рушит семьи и страны. Нельзя, чтобы война была. Это калечит людей на сотни лет вперёд. Всё ради мира делай, чтобы твоим детям не пришлось такого изведать. Пусть стоит этот образ перед глазами. Зла не делай. Иначе худо будет.

– Не буду, бабуля. Буду домики строить, чтобы людям было, где жить и чтобы у них была крыша над головой, чтобы всем хватало. Правильно говорю? – девочка посмотрел на бабушку заплаканными и полными мольбы глазами.

– Так, моя ягодка, – Екатерина улыбнулась сквозь слёзы и расцеловала малышку в мокрые щеки.

– Вы что тут сырость развели? – насторожился папа. – Я вам варенье вот принёс. Наконец радио настроил, а они тут режут. Что случилось?

– Да ничего, детство вспомнила военное, растрогалась. Хорошо вот, что сейчас мир и покой. В целом, – поправилась она. – Сидим вот и чай пьём. И даже с вареньем.

– Ох, мам, и не говори. Мне твоих сказок про войну хватило. Я хоть и взрослый слушал, но мороз по коже. Хорошо, что рассказываешь. Историю знать надо, чтобы не повторилось, – он выложил в блюдечко яблочное варенье янтарное, розоватое, густо пахнущее.

Из-за тучи выглянул луч солнца, длинный и яркий, как меч вонзился в землю, где-то на лугу за посёлком. Густые сизо-сиреневые тучи приобрели чёткий рельеф и стали похожи на какое-то невероятно красочное полотно в стиле «явление святого духа или прочего озарения народу».

– Хороший знак, – сказала бабушка.

– Хороший. Повезло мне с тёщей, как ни крути, – усмехнулся папа. – И доктор, и повар, и секретное слово знает.

– Само собой, – подмигнула ему Екатерина.

– Что вы тут опять без меня секретничаете? – появилась в беседке мама.

– Да вот решили втихаря от тебя всё варенье поесть, – ответил ей папа. – Будешь с нами или не царское это дело варенье ложкой есть?

На даче вдали от городской суеты и серых будней у живого огня и за вкусным столом как будто и семейные проблемы потеряли свою остроту, как будто и в стране не было хаоса и нищеты, как будто ничего не предвещало беды и вовсе. Девочка так радовалась этому внезапному счастью. Вот и мама улыбается и никого не обижает своими колкими замечаниями. Вот папа поёт под гитару то про лыжи, то про луну. Бабушкин пирог на этот раз прямо из печи. У него совсем другой вкус. Картошка тоже не такая, как дома. У еды из печи вообще вкус другой.

Мама когда-то всё ругалась, что печку бабушка сложила. Екатерина же мастера долго искала и чтоб компактную сделать настаивала. Вон, какое чудо вышло.

Над столом сегодня бабуля повесила маленькую иконку.

«Боженькина мама и маленький Иисус. Красивая. Бабушка сказала, что теперь везде можно вешать, это будет ещё одна защита. А это значит, что есть ещё одна. Или не одна? Определённо есть, – девочка сидела и смотрела на бабулю. – Чему она ещё может научить? Пирожки печь? Травки различать? Закрывать себя невидимой молитвой или заговором?»

Они уже разное пробовали. У неё получается. Дальше бабушка сказала, будет учить общаться с духами. Страшновато было. Но интересно. Даже так: страшно интересно!

– Бабуля, – тихо позвала девочка, когда уже легли спать и полагалось видеть десятый сон.

– Что не спишь? – также тихо спросила Екатерина.

– Думаю. Вот думаю, как защиту сделать такую, чтобы бомба в человека не попала.

– Таких я не знаю. Только молиться разве что очень сильно, изо всех сил. Но как показывает практика, этого одного мало. Есть у человека судьба, значит, которую ему необходимо прожить. И как говорят: твоё от тебя не уйдёт.

– А что это значит? – девочка повернулась на бок и прижалась к бабуле.

Та подоткнула плотнее одеяло вокруг малышки:

– Это значит, что как кому на роду написано, так и сбудется.

– Всё равно непонятно, – грустно вздохнула девочка.

– Поговорки в народе такие есть, чтобы проще было детям передавать старинные знания.

А значит это вот что. Когда человеку прийти на свет, его душа на небе смотрит как будто... ну пусть кино про свою будущую жизнь и соглашается на свой путь, на то, что с ней в той или иной жизни происходить будет.

– Не может быть?! – малышка отклонилась. – Как же можно согласиться, чтобы в тебя бомба попала?

Екатерина чмокнула девочку в макушку и посильнее её прижала к себе.

– Больно, – пискнула малышка.

Женщина ослабила объятия и посмотрела в её глаза. Слабый свет ночника отражался искорками в глазах девочки, что удивляла её каждый день.

– Согласиться можно на что угодно, как показывает практика. Почему – вопрос. Это я и сама не очень понимаю. Может, кто-то в прошлой жизни много плохого сделал и согласился, чтобы тяжёлую жизнь на этот раз прожить и искупить свою вину. Мало ли. Может, какая-то душа просто опыт так набирает, чтобы потом отправиться куда-нибудь и учить другие души добру, зная, что такое боль. Как вот я тебе рассказываю, чтобы ты знала: война – это плохо и страшно. Не должно быть войны, понимаешь?

– Да, я и спать теперь боюсь, вдруг засну, а война начнётся.

– Не будет, точно говорю. А и ты посмотри своим зрением, не видишь разве? – с интересом спросила Екатерина.

– А вот не вижу. Страшно, а когда страшно, не вижу.

– Вот как, – удивилась бабушка. – А ведь это логично. Я подумаю над этим.

Повисла тишина. Екатерина всерьёз задумалась над словами девочки. А они своих подопечных едва не до смерти пугали. Люди понимали: отсюда у них не факт, что выход есть. От них нужен результат, предсказуемый и желательно удобный заказчику.

«Ведь это правда, – думала Екатерина. – Мы хотели получить заранее прогнозируемый итог, а не то, что получали. Да по большей части получали вообще пустоту. Не то и не про то. А требовали чётко, по делу слово в слово и шаг в шаг. Буквально видеть, как через скрытую камеру любую точку мира в любой момент творения. Да разве так можно?!»

Екатерина до сих пор не верила, что человек, кем бы он ни был, способен на такое. Вот даже малышка с самой прямой связью с чем-то высшим, с умением видеть и ощущать, смотреть в прошлое и будущее, не может по запросу ничего. Если что-то происходит, она сама всё рассказывает. Не происходит, идёт играть в куклы. И пока это её не мучает и не тяготит, потому что для ребёнка и будущего в общем никакого нет. Это взрослые тянутся куда-то вперёд и вверх, как будто тут жить нельзя. Всё время подгоняет какая-то жажда, подгоняет вперёд, тянет, зовёт, не даёт просто лежать вот так, лежать на диване и отдыхать. Нет, надо придумывать, что там будет тысячу лет спустя. Тут бы хоть на час вперёд видеть. Хоть чуть-чуть.

Какой тут будет результат, если человек боится за свою жизнь и жизнь своих родных? Вот тебе и высокая погрешность, вот тебе и ошибка на ошибке. Она сама на работе ничего не видела. Напряжение возникало буквально ещё дома и отпускало разве что во сне и то не всегда. Вот тебе и простой ответ устами младенца. А Екатерина всю жизнь думала, что на работе просто слишком заиклена на своих подопечных и на том, что после опытов придётся как-то отсутствие очередных результатов оправдывать. А это просто страх. Обычный человеческий страх за свою жизнь. Страх боли, страх смерти. Страх не жить.

Глава 7. Поиски

– Слава, я не знаю, что делать. Она видит будущее и прошлое. Причём как в кино, как будто просто смотрит ленту, и пересказывает всё до мельчайших подробностей и оно тут же происходит. Это ужасно. Это пугает.

– Катюша, это всё очень интересно, но ты уверена? – он немного нахмурился, но в лице его недоверия не было и Екатерина это понимала. Он ей верит, просто взрослые всегда так делают: перепроверяют.

– Славочка, милый, я уже несколько месяцев не просто проверяю, я живу с этим каждый день. Она утром рассказывает, что будет дальше, и хоть трава не расти. Пока её это увлекает, но дальше-то она будет видеть больше. Я в этом уверена, а старше... Там же не одни детские игры и весёлые книжки с картинками...

– Катюша, милая, – он положил свою большую руку поверх её кулачка, сжимающего мокрый носовой платок, – все дети взрослеют и все сталкиваются с «прелестями» взрослой жизни, это неизбежно. Это же хорошо, что она видит будущее. Вполне вероятно, что его можно будет изменить. Мы ведь все ради этого работали десятки лет. Мы мечтали это сделать, а природа сама постаралась.

– Или Бог, – посмотрела Екатерина на своего старого друга глазами, полными слёз.

Он только согласно покивал:

– Вообще неважно, кто, что и как сделал. Она такая родилась. Это очевидно. И ни ты, ни я тут ни при чём. У нас ничего не получилось, вынужден признать. Может быть, она и есть тот знак свыше именно нам с тобой, что есть вещи более высокие и нам не подвластные. И их может только бог, а наши нелепые попытки потому и обречены на провал, что мы не боги. А вот её нам дали в награду, для понимания этого всего.

– Так что же, будем её испытывать, искать ген бога? – осторожно спросила Екатерина.

– Катюша, даже думать не смей. Никто не должен знать об этом дитя. Лишь ты, я и она. Никто! Запрети ей об этом говорить с кем бы то ни было. Сейчас это вообще опасно. К нам

приведёшь, точно больше никогда не увидишь, а если и выпустят, то похитить это тощее чудо с косичками, извини, дорогая, но секундное дело. Не все готовы признать, что есть дар богов, а есть армия тьмы.

Бабушка посмотрела на своего старого друга с испугом и неверием. Как похитить? Зачем? Почему? Хотя в тайне, в глубине души понимала, что так и будет, стоит им показать кому-то все её способности. В стране развал и неразбериха, границ нет, всё катится к чёрту. И искать никто не будет пропавшую кроху. А у тех, кто отнимет и подавно. Их вообще не существует. Официально.

Екатерина встала и нервно ходила по залу, периодически трогая какие-то вещицы, как будто поправляя статуэтку или складку на шторке можно было привести в порядок весь мир или хотя бы свои эмоции.

– Ты всё сама знаешь, Катюша. Я про девочку нашу выйду и забуду. А ты учи, береги. Если такие дети будут приходить, то неспроста.

– К лучшему? – с надеждой спросила Екатерина.

– Ах, если бы знать, милая. Мы всю жизнь потратили на то, чтобы заглянуть вперёд, а там туман. А кроха видит, как в кино... Значит, у неё есть путь, а наш как будто зря прошёл.

– Не говори так, Славочка. Ты прекрасный человек.

– Ох, Катя... Страшно это, видеть будущее. Вот что я думаю. Как ты сама верно заметила, там всякое будет. И если она будет видеть именно то, о чём мы с тобой думаем, но молчим, то я твой страх разделяю, как никто другой. Мне иногда казалось, что у нас ничего не получилось именно потому, что в глубине души никто не хотел знать, что там будет на самом деле. Никто не хотел знать, когда умрут родные и каждый день тяготиться и ждать этой минуты. Никто не хотел бы знать, что страна наша вот так бездарно развалится практически в одночасье. Тогда бы никто ничего не делал. Смысл? Если всё равно всё сгинет. Мне кажется, люди бы просто смирились с неизбежным и стало бы только хуже это самое будущее.

– Ну а что, если бы оно хорошее было, все бы обрадовались и устремились к нему? – улыбнулась Екатерина.

– Катюша, ты идеалистка. Большинство людей сказала бы: а что работать и двигаться вперёд, раз светлое будущее уже гарантировано, вот мы его видим.

– Ну, Славочка! А как же все эти годы? Какие достижения советских людей, всё ведь ради будущего! Мы же верили.

– Да я тебя умоляю, Катюша, таких верующих, как мы с тобой, в масштабах страны не так уж и много было.

– Славочка, но как же? Столько людей совершали великие открытия. Да мы реки вспять повернули.

– Катя, а надо было? А сколько открытий для войны? Лучше б от рака лекарство искали. Все вместе, всем миром. Кому она на хрен сдалась, эта Луна, вот например?

– Ты прав, конечно, ты прав. Может, такие, как наша девочка, смогут что-то изменить?

– Смогут, если не будут служить земным царям. Катюша, береги её от этого, помоги выбрать земную профессию, не давай кидаться в бой без нужды. Будет время, ей дадут понять, кто она и зачем. Мы искали бога, мы его нашли. Он есть, а мы просто пыль.

Екатерина присела к своему другу на диван, обняла его и положила голову на плечо.

– Страшно, Славочка, что творится. Так страшно. А мы ничего не увидели.

– Вот поэтому береги её. Наверное, не всё видеть можно, особенно тем, кто со злом хочет посмотреть.

– Мы-то не со зла хотели.

– О чём и речь, хорошая моя, мы не со зла, но ради тех, кому это надо было, чтобы воевать. Однако, мне пора, твои пришли.

– И что с того? Не пора вовсе, сейчас обедать будем. Ты мне отказать не сможешь, я твой любимый рассольник приготовила, – почему-то смутившись сказала Екатерина и крепко взяла его за руку.

В прихожей смеялись папа и дочка, а Екатерина не могла больше ничего сказать, да и ответа не требовалось. Они стояли на пороге чего-то такого, что неведомо было ни им самим, никому в мире, кажется. Они столько лет вместе искали доказательства бога и получили их так внезапно. Чудный ребёнок, наивный и глубокий, чистый. Как будто благословение получили. Все труды не напрасны, все горести и разочарования того стоили. Не они, но им. И теперь они должны были воспитать, сохранить и не отдавать никому. Больше никому не отдавать силы и непорочной чистоты.

– Хорошо, что я ушла из института. Как вовремя, – Екатерина сжала руку друга.

– Да, и ты можешь быть уверена, что её существование останется в секрете. Я буду навещать вас и буду присматривать за ней, не переживай.

– Но только не очень пристально, иначе, ты же знаешь. И потом, если вдруг ты часто будешь бывать у нас...

– Господи, Катюша, сколько про нас пересудов было в институте, а то ты не знаешь, – он усмехнулся, потянул её руку и поцеловать сжатый кулачок. – Теперь смогу за тобой ухаживать на законных основаниях. Ты больше не моя сотрудница.

Екатерина потупила глаза и улыбнулась. Действительно. Близкий друг её мужа и коллега по работе как-то сам собой стал роднее родного. Всё бы отдала за такого брата. Она была одна и он один, и это роднило. Плюс долгие годы опасной, по сути, и секретной работы. Пришлось сблизиться. Но какое же счастье, что сутками напролёт работала под началом такого человека. Тот случай, когда ответственный пост и погоны нисколько не испортили: настоящий русский офицер, такой правильный, такой по-киношному правильный. Единицы таких она встречала. Буквально единицы. И очень гордилась тем, что её названный брат такой.

– В следующий раз с букетом приду и тортом, – подмигнул он.

Екатерина расхохоталась:

– Соседки от зависти могут и того...

– Сдохнуть что ли? – закончил он не без удовольствия.

– О, у нас гости, – открыл дверь в зал папа. – Кнопка, смотри, кто пришёл.

Малышка заглянула в комнату и тут же с радостным писком кинулась на руки Вячеславу Михайловичу. Другого деда у неё не было, а этот хоть и редко приходил, умудрился завоевать полное и безоговорочное доверие девочки.

– Пойду рассольник греть. Славочка с нами пообедает, – сказала Екатерина.

Глава 8. Путь в тишине

Екатерина долго ломала голову над тем, с чего и как начать учить малышку. Сама девочка уже обладала огромным даром. Как им управлять, бабушка не знала.

Куда направить, было чуть более понятным делом. На добро. Это даже не обсуждалось. Её личный опыт говорил однозначно, иначе и быть не может. Вот только афишировать такие знания не нужно. Во всяком случае, не сейчас и не так. Пошатнувшийся мир вызвал какое-то лавинообразное рождение ведьм, шаманов, колдунов и прочей псевдомагической нечисти. Как говаривала ещё её старенькая прабабушка, это всё не настоящее. Истинно знающие никогда не выдают себя миру. Они не объявляют себя пророками, не призывают вставать за ними и идти одним каким-то, только им известным курсом, не восхваляют себя любым удобным способом. Чем больше шума, пыли, пафоса и мишуры всякой, тем с большей уверенностью можно сказать, что у спектакля этого мистического есть сценарист, есть заказчик-кукловод. Происходящее же напоминало большой с размахом обустроенный кукольный театр, где персонажей

разных было видимо-невидимо: от просто тряпичной куклы до навороченной механической Мальвины, которую от живой бабы не с первого раза и отличишь.

Когда-то они со Славой по крупницам выискивали людей с необычными дарами, удивлялись каждый раз, чего только в мире не бывает. Искали, как и почему это к людям приходит, и главное, для чего. А тут в одночасье армия гадалок и колдунов встала стеной. Какую газету ни возьми, там ясно видящим пронзительным взглядом смотрит на тебя потомственная гадалка или шаман в 55 поколении. Всё про тебя уже знают и точно нагадают порчу и смерть неминуемую со дня на день. А телевизор и того опаснее включать: прямо через экран обещают перенести тебя в другую реальность, поменять молекулярный состав жидкости и ДНК твоё подправить, не сходя с дивана. Страшно ж телевизор включать.

Екатерина как учёный и доктор иногда чувствовала подступающую откуда-то из глубины души ярость от бреда этого ежедневного. Хотелось в этот телевизор попасть и оттуда людям крикнуть: очнитесь, неужели вы не видите, что это маскарад? Это же спектакль, причём дешёвый, позорящий само великое искусство актёрское. Что же это творится?!

Как учёный, исследующий мозг человеческий долгие десятки лет, она авторитетно могла заявить: 80 процентов всех колдунов и гадалок, с которыми ей пришлось работать, имели серьёзные психические расстройства, самое расхожее из которых шизофрения.

Вот с остальными было сложнее. Источник их силы или дара был за гранью понимания. Предполагалось, что способности принадлежат каждому конкретному индивиду и могут применяться в любой момент в любом диапазоне, доступном человеку. Но большинство из них уверяло, что дар свой не контролирует. Он приходит и уходит по чьей-то воле. У большинства он уходил, стоило им попасть в институт.

Слава был спокойнее в суждениях, как обычно. Это он её в узде держал и не позволял спорить ни с начальством, ни с более высокими представителями власти. По сути, если бы не он, Екатерина бы давно из института ушла. Но он в неё верил и в их работу. Верил, что от исследований рано или поздно польза будет настоящая. Верил, что они откроют что-то такое, чего и сформулировать толком нельзя. Верил в людей, в общем, в то, что у них есть шанс.

А она не очень верила. Тяжёлое военное детство оставило неизгладимый след в душе. Страх того, что мир не навсегда, преследовал её постоянно. Признаться в этом страхе она могла разве что самой себе. Но Слава понимал и Дмитрий понимал тоже. Оба волею случая оказались в одном партизанском отряде. Слава с дедом, а Дмитрий после того, как поезд с беженцами разбила фашистская авиация. Всех выживших отправили в тыл, когда смогли, а этот упёрся, плакал перед командиром, просил отомстить за сестру и мать. Командир оставил.

Славик и Димка. По 13 лет обоим. Вояки. Она чуть моложе была в те времена. Все годы на самой грани соприкосновения. Чего им только видеть не довелось. И с одной, и с другой стороны. Нельзя с мечом друг на друга. Тут не святая война, тут просто истребление одних другими.

Попал к ним как-то со сбитого самолёта солдатик наш. Бабушка его лечила травками всякими, заговорами, молитвами. Всё в ход шло. Тогда и маленькая Катя поняла, есть нечто такое, что может, если не остановить войну, то смерть отсрочить. А солдатик, когда совсем плохо было, всё говорил: нельзя же так, мы же все люди, мы одинаковые, у всех дети, у всех мамы, как же так? Что же не можем в мире, что же мы делим-то вообще? О чём война? У каждого своя земля была, свои песни, свои легенды, свои могилы предков. К чему же эта война?

Эти слова так же накрепко засели в Катюшкиной русой голове, как и старинные заговоры, длинные молитвы с непонятными словами и названия травок. Она постоянно бубнила их под нос. Они её успокаивали. В какой-то момент ей стало казаться, что они и правда защищают её. Как будто что-то упругое поднималось шатром от её тела вверх и закрывало её от комьев разбросанной взрывом земли, от пуль, от искр горящих домов. Как будто она в коконе каком. Прабабушка Прасковья говорила, что если человек выживает в самых неминуемых бедах, то Бог

приготовил для него иной конец и что у этого человека есть ещё, что сказать миру. Может быть, он совершит какой-то подвиг, спасёт кого-то, а может, изобретёт что-то полезное. Или ему суждено быть просто очень добрым и хорошим человеком потом, в мирное время, и учить детишек. Никто не знает завтрашний день. Но то, что на роду написано, чего не миновать, Катюша запомнила твёрдо.

Часами в холодном сыром и опротивевшем до нельзя погребу во время налётов она складывала в голове все эти немногие разрозненные знания и всё искала, как это встроить в обычную жизнь, в которой она ходила в школу, где не было бога, нечисть обитала только в сказках, а русский солдат не должен был жалеть врага. А этот солдат жалел. У него в голове тоже никак не укладывалось, почему похожие друг на друга люди, живущие на похожей земле буквально за забором, не могут нормально жить. Ведь всего на всех хватает.

Ещё Прасковья говорила маленькой Катюше, что нельзя хвастаться своим даром. Помогать надо тихо, незаметно, а когда и вообще молча. В любом другом случае дара можно попросту лишиться. Бог дал, бог взял. Простые заповеди, коих всего десять, люди знают, вроде как. А спроси, кроме «не убий», ничего на ум и не придёт. Но ведь там и того проще: не кради, не завидуй, не желай чужого ничего, не ври, почитай бога, отца и мать, не болтай без дела, ибо слово – это и есть бог.

Что ж тут непонятного? Не желай чужого. Не болтай лишнего.

И у всех народов так, не только у русских. Много разных людей прошло через её жизнь. У многих из них был дар, имени которому они тоже не придумали. Все молились разным богам, а по сути сходились в одном: есть нечто большее.

Настоящие избранные богами, богом, неизвестными ей силами, тихо и скромно исполняют миссию: держат мир на своих хрупких плечах, ставят щит над обездоленными, обиженными, над всеми, кто истинно верит и кому нужна защита высших сил.

Именно по этой причине, ну и конечно, из-за политики государства, она сама держала в тайне свои знания и умения. Но они ни в какое сравнение не шли с чистым видением будущего у маленькой внучки. Это то, о чём можно было только мечтать. А вот как его действительно развивать, Екатерина так и не нашла за долгие годы научной работы.

Что такое душа? Как она вообще с мозгом взаимодействует? Что нужно, чтобы узнать своё истинное предназначение?

Они много всего со Славой нашли и открыли и, слава богу, хватило ума не всё афишировать. Но не нашли, как включать и выключать это видение. У малышки оно тоже пока включалось само собой, но зато каждый день и внезапно. Оно не выдавало сиюминутные озарения, как у её подопечных. Девочка видела чёткую картину, иногда на целый день. Поначалу она тревожилась, пугалась и плакала, потом, после долгих разговоров с бабушкой, перестала обращать внимание. Просто знала, что так будет. Как будто расписание в школе на неделю с заданиями. Всё равно будет пение и математика, что тут переживать? И контрольная в конце четверти. Так что и думать нечего, живи, играй. Если что, бабуля утешит и поможет. В обычной школьной жизни да ещё у девочки, которая на одни пятёрки учится, ничего страшного не должно было происходить, поэтому Екатерина и сама постепенно успокоилась. Точнее, перестала паниковать.

Успокоиться тут было невозможно. Девочка слишком мала и могла случайно проболтаться, что уже знает, когда отменяют контрольную или кого вызовут на уроке.

Екатерина изо всех сил пыталась деликатно и по-взрослому вести с ней беседы: никто и никогда не должен знать о её даре, даже родители. С мамой было итак всё понятно, она требовала только стопроцентных успехов и всего предсказуемого. У неё был свой непонятный Екатерине комплекс, который заставлял её ото всех и всегда требовать только беспрекословного выполнения придуманного ею сценария. Екатерину это мучило и не один год. Ей казалось, что слишком много времени она отдала работе, пытаясь расшифровать все загадки мозга, и

слишком мало уделяла времени дочери. Смерть мужа подкосила и нагрозила их обеих дополнительными хлопотами и ограничениями. Но сказать, что их семейная жизнь была несчастливой она не могла. Дмитрий был идеальным мужем и отцом. Его очень не хватало и много лет спустя. Слава тоже тяжело переживал смерть друга и, как мог, помогал.

Где-то в эти годы, как думала Екатерина, связь с дочерью и была утрачена. Наверное, она тоже слишком много требовала от 19-летней девочки, которая сама пыталась встать на ноги. Но ей казалось, что Наденька уже взрослая. Ведь Екатерина в 19 лет уже одна уехала в Москву, сама поступила в медицинский, училась, подрабатывала почтальоном, занималась с детишками в детском доме по выходным. Столько всего. И всё одна. Но она закалялась в военное время, когда невыполнение простых правил грозило неминуемой гибелью. А Надюшу опекали все. Они с мужем буквально в ней души не чаяли. И где и когда эта душа потерялась, вот вопрос.

Наверное, поэтому она такая злая. Как будто недолюбили. Но теперь-то чего? Муж любит, дочка каждое слово ловит. Хотя больше боится уже. Екатерина тоже не могла упрекнуть себя. Дочь она очень любила, во всём помогала. Просто как-то не так, как того ожидала Надюша. Вот только Надюша никак не могла сказать, какая любовь ей нужна. Только требовала, только обвиняла.

Поэтому Екатерина старалась оградить малышку от общения с ней. Уроки сделать поможет, погулять сходить, в художественную школу вот ездили на собеседование. Говорят, у девочки талант, но рано ещё. С 10 лет только принимают. Ничего, пока дома порисуем. Матери же показывали идеальную отличницу, послушную и красивую. Надежда напрягалась даже, когда малышка болела. Это как будто подрывало какие-то её внутренние планы, хотя ни разу болезнь или плохая погода не были причиной того, что сгорели билеты в цирк или испортился отпуск. Что-то было не так и с самой Надюшей.

Иногда Екатерина сооружала на кухонном столе импровизированный алтарь, как учила бабушка, ставила свечи, окуривала дом травами и долго молилась всем высшим силам, которые только могла вспомнить, чтобы понять, как и с какого края подойти к дочери и агрессию эту унять. Иногда она получала довольно прозрачный ответ: всё будет как будет.

Иными словами, вряд ли можно что-то изменить. Именно такой опыт, видимо, должны они все пройти. Сложно любить такого острого и непримиримого человека. Но как правильно говорил Славочка: в таком случае один только вариант – любить ещё сильнее.

Глава 9. Границы

Екатерина осторожно достала из комода что-то объёмное и тяжёлое, аккуратно завернутое в домотканое полотенце. Она ещё раз прислушалась, никого.

Старые тетрадки, которым лет было, кажется, от сотворения мира, стопкой высились на столе. Всё, что Екатерина знала, умела и искала, было тут. Начало – это записи заговоров и свойства лекарственных растений, переданные от бабушки. Отрывочные сказания, легенды и прочее. Много всего. Екатерина после войны старалась записать всё, что помнила, и подолгу донимала бабушку расспросами. Куда легче сейчас: диктофоны, хоть и большие, неудобные и с кассетами, можно было раздобыть без труда. Уж на её работе-то точно. Потом расшифровать и аккуратно записать. А за бабушкой иногда приходилось строчить без остановки, пока не ломался карандаш или не начинала болеть рука. Даже в университете не так сложно было. Но и она тогда уже стала взрослее.

Чуть позже, когда девушка наконец поняла, как это всё встроить в мирную профессию, появились записи о деятельности мозга, отрывочные сведения о том, что такое душа, переселение, поиски бога в общем.

Более свежие тетради, исписанные красивым аккуратным почерком – это её научные находки за все годы, её мысли и чувства от работы. Иногда чувств было больше, потому что

исследования шли в разрез с её представлениями об устройстве мира. Причём мир тут касался больше чистого неба и дружбы народов.

Екатерина листала тетради медленно, особо ничего не ища. Она толком не понимала, что вообще с девочкой делать, и тут в записях уж точно ответа быть не могло.

Она посвятила жизнь одному, занималась другим, а к пенсии получила третий вариант. И вот это урок её пугал. А что если она не сможет правильно развивать способности девочки, загубит их? А что, если не сможет их утаить или девочка раскроется сама? Что делать-то и в каком порядке?

Теперь Екатерина даже понимала своё руководство. Хорошо и просто получать задания и выполнять, даже если они противоречат человечности и смыслу жизни. Есть задание и ты ищешь в одном понятном направлении. Здесь же задания не было вообще никакого.

Она молилась, чтобы ей открыли этот путь и помогли не навредить. Но по опыту знала, что всё будет как будет. У неё нет связи с высшими силами такой, как у её внучки, нет такой силы. И по сути всё, что она знает и умеет – это механическое повторение того, что узнала от бабушки, плюс научные уже знания о травах, плюс святая почти детская вера в то, что это всё работает. Потому что её бабушка помогала людям, помогала солдатам в войну и они выздоравливали. Вера и всё. Она видела и верила. А не потому, что бабушка ей объяснила истинное устройство мира, источник силы или ещё что-то в этом роде. Бабушка просто верила она тоже.

Был в рассказах прабабушки Прасковьи какой-то абстрактный бог, у которого сила, и вот именно он лечил, по её словам, а вовсе не она.

Годы работы убедили Екатерину в том, что так оно и есть на самом деле. Не у людей способности, а у него. Он кому-то даёт возможность лечить, видеть, применять знания, а кому-то нет. И только он понимает, что, зачем и почему. Есть какой-то план, какой-то великий замысел. Это лучшее доказательство бога. Только при таком принятии и понимании всё вообще складывается. Но это пахло каким-то средневековьем, а то и вообще каменным веком.

Гром – Перун, утонул – русалка уволокла. Именно так её объяснения по поводу существования некой неконтролируемой Силы выглядели для её руководства. Оно требовало найти ген сверхчеловека, скрытые резервы и другие тайны потаённые, которые заставляют человека быть иным. Надо было видеть сквозь века, двигать взором горы, поворачивать реки вспять и мановением руки отводить несущиеся к границе ракеты противника, внедряться в мозг человека силой мысли и прочее, прочее, прочее.

Чего она только не пробовала. Боже.

Но как же хотелось вот так провести рукой и снять боль или верить в то, что заговоры работают сами по себе только умелым сочетанием звуков и букв. Лечат сказанные в определённом ритме и порядке слова, а не решение неизвестного бога жить тебе или умирать. Хотелось иметь вот такой универсальный код исцеления, одно слово. Ну ладно, набор слов, который мог сказать любой человек и вылечиться.

Екатерина нервно встала и прошла по комнате. В её кабинете и лаборатории всегда отчётливо были видны на линолеуме, кафеле и красном ковре протоптанные ею дорожки. Кажется, она уже сотни раз Землю обогнула по экватору, а истины так и не нашла.

Нужен был какой-то чёткий план. Екатерине всегда нужен был какой-то чёткий план. Иначе она начинала паниковать. А вот если по пунктам, то стройную и логичную композицию освоить куда проще.

Вот и работа, да и вся жизнь постоянно вносили диссонанс в её выверенный марш. То война, то ранняя смерть родителей, то работа в институте, где буквально каждый день могли с ног на голову перевернуть все исследования в угоду новому шефу или новой политике, то муж умер, то дома бардак. Теперь вот это в один день: падение страны и открытие способностей у девочки. Тех самых способностей, о которых она буквально мечтала.

С ума бы не сойти.

Где-то в глубине души Екатерина понимала, что очередной её стройный план, скорее всего, разлетится вдребезги. Но подготовиться всё равно стоило. Если не пробовать, то как достичь успеха? Бабуля всегда говорила: с первого раза редкий случай что получается.

Кто с первого шага пошёл? Кто с первой буквы читать научился сразу и не по слогам? Кто-то заговорил во младенчестве да так складно, что Пушкин перевернулся? Ну, в самом деле, не пошёл с первого шага малыш. Ходить – не его? Пусть сидит? Не получается буквы да слова складывать? Читать – не моё. Бред? Однозначно, бред. Если второй раз не попробовал, просто трус и слабак. Вот такое должно быть правило по жизни. Иначе и в зеркало стыдно смотреть будет. Стыдно смотреть? Вспоминай, где спасовал и кому этим вред принёс. Для кого твоё трусливое решение стало роковым?

Екатерина строго придерживалась этого правила. Смелости и отваги ей было не занимать. Даже тормозить иногда приходилось. Дмитрий обычно подробно расспрашивал, что её на подвиги двигает и будет ли от них польза какая, а если будет, то кому. И если Екатерину его холодный ум не убеждал, то пожар революционерки Катюши гасил Славочка, Вячеслав Михайлович, куратор её лаборатории и надёжный ограничитель для всех её героических выходов.

Быть может, история с малышкой как раз и есть тот шанс, к которому готовила Екатерину вся жизнь. Все испытания, все знания, весь опыт и вся её научная работа теперь должны были дать ей ответ, как готовить малышку. Вот только не давали ответа: к чему?

Екатерина достала из стола новую тетрадку, открыла, провела рукой по чистым клеточкам. Что тут писать? «План развития способностей? Открытие дара?» Так он открыт... Куда бежать и что делать? Извечные вопросы бытия на Руси.

Она закрыла чистую тетрадку и убрала в стол, спрятала в комод свои старые записи.

На кухне было проще. Здесь были рецепты, выверенные и надёжные. Вот пирог с яблоками, вот картошка сварилась, вот хлеб. Банка с помидорами. Спасибо, дача спасает в это непростое время. Здесь она охраняет семью, как может, пока дети работают и стараются удержаться на своих местах. Ей, можно сказать, повезло. У неё чёткий фронт работ. Может, в этом и есть смысл? Просто делать то, что должна, и не пытаться прыгнуть выше головы? Она много чего знает, даже умеет кое-что. Что знает, передаст девочке. А чего не знает? Того и передавать нельзя. Может, малышка сама вспомнит, вспомнила же она как её крестили. До сих пор волосы дыбом. Ей было-то недели три от роду. Не было таких данных, что человек помнил себя едва ли не от рождения. Не нормально это как-то. Хотя что в её жизни было нормально?

Раздался звонок в дверь. Она нехотя отставила кружку с чаем и пошла открывать.

Неожиданно за дверью оказалась учительница начальных классов Елена Васильевна и её внучка, зарёванная, с пунцовыми щеками, какая-то жалкая и растрёпанная.

Екатерина кинулась к ней, едва поздоровавшись с учительницей.

– Екатерина Александровна, можно войти? – напомнила о себе учительница.

Та махнула на двери рукой и пропустила женщину в квартиру первой. Девочка тихо плакала.

Бабушка проводила учительницу на кухню, налила ей чаю, молча поставила сахар и вышла.

Елена Васильевна отхлебнула из фарфоровой чашечки, обвела глазами кухню. Всё по-советски, но лучше, чем у многих. Побогаче. Не удивительно, бабушка её воспитанницы – известный психиатр в городе. Говорят, только с высокопоставленными людьми работает. Психи там одни, наверное. Но, судя по тому, что в стране творится, так и есть. Она перевела взгляд на окно. В глаза бросилась печатная иконка в большом окладе с самодельными цветочками. А вот это было неожиданно. Вроде взрослые люди, а такое на видном месте повесили. Ладно бы старинное, можно было соврать, что произведение искусства, но это. Безвкусица.

Между тем Екатерина умывала малышку в ванной и помогала ей переодеться в домашнее:

– Что случилось? Говори шёпотом и быстро, – сказала она на ушко малышке, ласково глядя её по голове.

– Я нечаянно. Я играла, правда-правда! – взмолилась девочка.

– Ударила кого? Окно разбила? – вздохнула Екатерина. – Тоже мне трагедия, так ребёнка умучить, что заикается.

– Нет, я руками дверь двигала и меня колдовкой обозвали. Пахомова сказала, что я ведьма и меня надо в милицию сдать. А учительница видела. Но это не я, это сквозняк! Это он дверь двигал, а я просто играла, как будто это я... Я тебе клянусь, бабушка! Я не выдала...

– То есть сквозняком качало дверь, а ты сделала вид, что это ты её ... ну скажем, заколдовала и двигаешь руками? Я так поняла?

Девочка еле заметно улыбнулась и охотно закивала головой.

– И за это тебя привели под конвоем домой? – изумилась Екатерина.

– Сказали, что я позорю имя октябрёнка. Меня мама убьёт, – снова разревелась девочка.

– Так, вот тебе конфетка, – Екатерина достала из кармана три ириски. – Специально тебе берегла. Сладкое успокаивает. Иди лежи. Никаких уроков, горе ты моё с косичками, – она присела на колени в тесной ванной, крепко-крепко обняла худенькую малышку и много-много раз её поцеловала в разёванную мордашку.

– Я Вас внимательно слушаю, – сухо обратилась она к учительнице.

– Екатерина Александровна, понимаете какое дело. Мы только приняли вашу внучку в октябрюта. Она такая послушная, прилежная и умная девочка, что мы ей гордимся. Но в последнее время она ведёт себя странно. Как будто то, что она лучшая в классе, её делает избранной. Слишком много знает, слишком взрослые ответы даёт. Это ладно, но иногда и промолчать лучше. Учительский авторитет должен быть выше.

– Так что ей теперь, знания свои скрывать, если она читает много? Вроде эрудиция – это неплохо. У нас вообще семья начитанная. А я профессор, если помните, – Екатерина начинала злиться. – Хотите, я вам библиотеку нашу домашнюю покажу?

Елена Васильевна покраснела и нервно заёрзала на стуле.

– Да нет, что вы, я не это хотела сказать. Просто дети к ней за советом идут...

– А не к вам, – сухо закончила бабушка. – Может, она просто им друг? Это доверие? Нет?

Екатерина, наверное, таким взглядом могла бы и гвозди гнуть, вот только не пробовала. Но сама чувствовала, поднимается в ней разрушительная волна, противная её естеству, такая, что должно защитить девочку высоченной стеной до неба, а шириной она с Уральские горы и глубиной с Байкал. Пусть попробует что-то сунуться.

Учительница поджала губы, и опустила глаза. Какое-то время помолчали.

– Итак, в чём же настоящая причина вашего визита? – тем же голосом прокурора спросила Екатерина.

Учительница вздохнула и ответила:

– Сегодня девочка продемонстрировала волшебные способности, – она подняла на Екатерину глаза, пытаясь казаться равнодушной.

– Какие способности? – слегка удивившись, спросила Екатерина.

– Ну как бы объяснить? Она вот так вот руками двигала двери, – Елена Васильевна вскинула руки и проделала какие-то странные движения в воздухе, – и створка двери в кабине колыхалась.

– Дверь колыхалась? Как-то не по-русски.

Учительница снова покраснела:

– Ну двигалась медленно влево-вправо между рук девочки, как будто она её отталкивала, но не прикасаясь, как будто...

– Может, это сквозняк был? – надавливая на слово «сквозняк» спросила бабушка.

– Конечно, сквозняк, – неожиданно громко сказала молодая учительница. – Просто дети испугались и решили, что она колдует. А одна девочка просто истерику закатила.

– Да девочку эту я знаю, истерика – это прямо её суперспособность. Её два месяца назад из глухой деревни привезли, где она сорняком росла при старой бабке. Там суеверий, поди, больше, чем статей в энциклопедии. А у моей внучки все способности – это острый ум, хорошая память и интеллигентная семья. А про семью той девочки мы с вами лучше многих знаем. В наш класс она по благу попала и ни одного предмета не тянет. Дети уже читают, а она две буквы сложить не может. Зато родители из деревни от той самой бабки всем учителям мясо и яйца возят, это мы все знаем. Пока другие дети впроголодь живут и родители за едой по талонам часами стоят. Так ведь?

Елена Васильева нехотя кивнула.

– Вот и я о чём. Спорим, этой дуре вы ничего не сделали, а хорошую девочку с богатой фантазией до истерики довели. А могли бы урок детям преподать, что такое сквозняк, как лёгкий ветерок такой предмет большой сдвинул с места и указать на то, что та девочка обидные слова говорит и напраслину наводит.

– Вы правы, Екатерина Александровна. Это мой провал как педагога. Я неверно ситуацию увидела, – она вдруг заплакала и стала нервно искать платочек по карманам.

Екатерина удивлённо подняла брови. Такой развязки она не ожидала.

– Выпейте вот, – она подала учительнице две таблетки валерьянки и стакан воды.

– Спасибо, – глотая слёзы ответила Елена Васильевна.

– В чем же на самом деле проблема? – спросила бабушка.

Елена подняла на неё глаза, полные отчаяния:

– Я когда голодная, злая ужасно.

– Как все. Причём женщинам это свойственно в большей мере. Инстинкт. Злее, значит, успешнее охота, значит, потомство выживет, если отец не добытчик в стае.

Елена Васильевна почему-то снова разревелась. Екатерина же наоборот постепенно успокаивалась, понимая уже, что женщина в каких-то своих проблемах застряла, просто этот конфликт в школе был последней каплей. Однако, срываться на детях, это, конечно, дно. И глубокое.

– А теперь настоящую причину назови, – каким-то другим голосом приказала Екатерина.

– От меня муж ушёл к другой, – Елена Васильевна отпила воды. – Я сухая, а она... Котлеты готовит. И скатерти у неё на столе нету, и руки мыть не заставляет перед едой. Бигуди ещё эти, халат... Я так не могу. Разве это женщина? Вы вот дома не в халате и не в бигуди, красивая...

Елена Васильевна снова уткнулся в платочек.

Екатерина горестно вздохнула. Да все сплошь в бигуди и в халате. Все, да не все. Эта, похоже, тоже эстетка и заучка. Дома всё правильно, чисто, и скатерть.

– И канделябры на столе? – почему-то вслух спросила Екатерина.

– Подсвечники, – ответила Елена Васильевна и удивлённо уставилась на бабушку.

– Романтичная Вы, это понятно. Сухая, потому что образ учительницы какой-то на себя напустили киношной, слишком правильной, строгой и которая спросит за каждую пометку и за каждую ошибку так, что в школу перехочется ходить навсегда. Ещё и дома навалиют за Ваши красные чернила в дневнике. А там-то всего можно было исправить и даже на 5 бы всё равно потянуло. Но Вы не такая, Вам всё безупречное надо. А ему нет. И детям тоже. Они маленькие. Они только учатся.

– А что же делать? – женщина смотрела умоляюще.

– Дети есть? Вот ради них и живите. А такой вам не нужен.

– Как же без отца-то? Без мужа?

– Нормально, – жёстко сказала Екатерина. – Я после войны выросла. Там мужиков днём с огнём было поискать. Ничего, как видите, новых нарожали и страну отстроили. Сейчас другое время. Работа есть. Пахомовы Вам всё из деревни возят, я так понимаю. Возьмите себя в руки и живите. Слёзы Ваши красоты не прибавят.

– Но ведь это предательство? – как-то с отчаянием сказала женщина.

– Предательство – это жить против воли. Так что живите честно. Со всеми и со всем, – странно глубоким голосом сказала Екатерина.

Глаза учительницы расширились. Она наскоро вытерла лицо уже мокрым платком:

– Я... Я попробую.

– Сделаешь, как я скажу, – тем же голосом сказала Екатерина. – Живи честно, делай добро и всё будет. Детей не обижай. Не суди, ты не бог.

Елена Васильевна почему-то встала, кивнула головой:

– Хорошо. А теперь мне можно идти? А то я мёрзну тут у вас.

А Екатерине даже жарко наоборот было от всего происходящего. Гнев её сменился каким-то внутренним прозрением и с головой было что-то, как будто она раздалась и щеkotно было где-то на макушке. Хотелось помассировать голову, но волосы были собраны в большой пучок и аккуратно уложены.

– Я провожу Вас, – только и сказала она.

Девочка на голоса в прихожей вышла и попрощалась с учительницей. Та улыбнулась малышке и, с испугом взглянув на Екатерину, откланялась.

Бабушка подтолкнула девочку в сторону комнаты:

– Голова болит почему-то, – сказала она, вытаскивая из пучка шпильки. – Странная учительница эта твоя, нервная и разбитая какая-то. Хотя понятно. От неё муж ушёл.

Екатерина села к столу, поставила зеркальце на ножке и стала расчёсывать длинные чуть волнистые волосы.

– О чём вы говорили? – осторожно спросила малышка.

– Да о разном. Я ей всё объяснила, она всё поняла.

– А маме расскажешь? – шёпотом спросила внучка.

– Конечно, нет. Глупости это всё. Да что с головой-то, господи, – Екатерина массировала голову пальцами, – так странно.

– Иди лежи со мной, – позвала малышка.

Она лежала на кровати поверх покрывала, глубоко зарывшись в большие подушки и накрывшись бабушкиным вязаным пледом. Екатерина прилегла рядом:

– И правда, отдохнём, что-то нервно сегодня. Голова ещё...

Девочка приподнялась и ласково погладила бабушку по голове. Екатерина смотрела на неё почти не моргая. Маленькая такая. Глаза ещё красные от слёз. Мордашка как будто осунулась. Испугалась так, что могла выдать себя. Но как? Она же не умеет двигать предметы или умеет? Да нет. Это игра просто. Игра и только. Сквозняк, ну придумала же. Фантазёрка!

– А так лучше? – вдруг спросила девочка.

– Что лучше? – удивилась Екатерина.

– Так голова не болит?

Екатерина зачем-то потрогала свою голову. Как будто с ней было что-то не то:

– Да нет вроде, не так уж чтобы... Мурашит и знобит что-то. Щеkotно на голове и как будто давит изнутри.

– У меня на макушке тоже щеkotно, когда со мной ангелочки разговаривают, или кто там... – девочка зевнула, поцеловала бабушку в лоб и нырнула к ней под мышку. – Давай поспим, я так устала в школе.

Екатерина не успела ничего ответить. Девчушка заснула почти мгновенно. А она снова потрогала голову. Как будто что-то хотело выбраться из неё, не то чтобы больно, но странное расширение какое-то изнутри. А что это вообще только что было? Малышка пыталась лечить её головную боль, потом сказала, что с ней разговаривают ангелочки. А когда они с ней разговаривают у неё на макушке щекотно. Как-то слишком много для одного раза. Да даже для одного дня много. И не спросишь, она сразу заснула и перенервничала и это... Неужели лечила или просто пробовала? Как в телевизоре показывали? Не может быть. Екатерина почувствовала, что тоже проваливается в сон. Что-то странное творилось. Что-то необычное.

Глава 10. Обретение

Екатерина спала как-то тревожно. Что толком происходило по ту сторону бытия, она не понимала. Когда подхватила от какого-то тяжёлого падения внутри сна, оказалось, что за окном сумерки, малышка ещё спит, а сама она вся в испарине, волосы сваялись и в теле какая-то боль.

Екатерина встала, наскоро расчесалась и пошла на кухню, открыла стол, достала большую банку святой воды и щедро плеснула в кружку. Она долго и тщательно умывалась этой живой влагой, перебирая в голове все знакомые молитвы, взывала к силе воды, её природной мощи и всем вообще существам и духам, которых она знала. Сон оставил какое-то гнетущее чувство безысходного горя. Кого конкретно касалось её видение, она не поняла. Но ощущение было паршивое и избавиться от него не получалось никак. Когда она хотя бы внешне привела себя в порядок, сделала свой безупречный пучок, заварила чаю и стала разогревать ужин, в кухню вошла заспанная малышка:

– Можно мне попить? – спросила она хрипло.

– Садись вот, – Екатерина поставила перед ней чашку, налила свежей заварки и отвернулась к плите.

– Мне снилось, что ты как горы, а потом как море, а потом ещё что-то и мне было спокойно.

Екатерину почему-то бросило в жар. Она сама перед сном приблизительно об этом и думала, именно такое видение вставало перед ней, когда она разозлилась на учительницу и пыталась отстоять малышку в этом глупом и странном споре. И тут же как будто пелена упала с её собственного сна и она увидела откуда эта тяжесть в теле и это ощущение беды. Она сама в своём сне была и горами, и Байкалом, и вздымалась до небес, и разливалась водами до горизонта. И во сне всё время на неё кто-то нападал, пытался преодолеть горы или переплыть озеро или опуститься на самую его глубину. А она то становилась ещё выше до небес, то шире, то глубже. И каждый раз это растяжение причиняло боль, и каждый раз в растянутое и измученное тело впивалось множество игл извне. Екатерина налила себе и малышка кипятка в заварку и присела за стол.

– Я просила все высшие силы помочь мне тебя защищать, – тихо сказала она, – и, судя по твоему и моему сну, я ответ получила. Непросто будет. Но пока я рядом, с тобой ничего не случится. Это я тебе гарантирую.

– А когда ты умрёшь, ты станешь ангелочком и будешь меня оттуда защищать? – как-то просто спросила девчушка.

Екатерина побледнела. Смерти своей она не видела в этом сне. Только боль. Очень хотелось верить, что она придёт за ней не скоро. Екатерина хоть и верила, что там есть жизнь и много раз о ней слышала от своих подопечных, никогда не представляла, что же будет с ней самой. Подсознательно сидел страх, что её отправят в ад за работу в институте. Но его существование так ни разу подтверждено не было. Большинство изысканий в области легенд, эпосов и преданий, а также психологии, психиатрии и эзотерики указывали, что хуже ада, чем муки собственной совести ещё не придумано. Это и есть настоящий ад, когда уже всё совершено и

ничего изменить нельзя. И, даже если не смотрят на тебя сотни и тысячи людей с укоризной, презрением, ненавистью и разочарованием, ты сам себя будешь съедать и изводить до тех пор, пока не уничтожишь окончательно или до тех пор, пока не призовёшь на помощь все силы света и любых известных тебе богов, чтобы боль эту изжить, простить себя и принять свой крест. И только тогда, когда до глубины души поверишь в бога, любого, как его не назови, вот тогда придёт исцеление и ад закончится. Вот тогда и только тогда появится дорога к свету.

– О чём думаешь? – спросила малышка и откусила кусочек хлеба с сахаром.

– Думаю о том, как мир устроен. Я вот вспомнила, что дети малые до 7 лет вроде как имеют прямую связь с высшими силами, с раем, как будто до 7 лет помнят, кто они и откуда, – Екатерина пристально смотрела на малышку, но та только пожала плечами.

– Как думаешь, есть рай и ад? – настаивала Екатерина.

– Не знаю. Лучше бы не был. В аду страшно. Зачем они там людей жарят? Это же больно? Но разве тело не осталось в земле, а в ад не пошла душа, тогда как её можно жарить? – малышка перестала жевать и напряжённо смотрела в пустоту.

– Действительно, как, – согласилась Екатерина.

– Они вот тоже головой кивают и улыбаются, – девочка указала на окно.

Екатерина подскочила, испугавшись, что в окно первого этажа их квартиры кто-то смотрит. Но шторы были завешены. Темно же на улице.

– Ты кого видишь? – настороженно спросила бабушка.

– Не знаю, люди, – малышка снова откусила кусок хлеба.

Екатерина отодвинула стул подальше от окна и села лицом к тем, кого она не видела.

– Так, знаешь что... Я так думаю, надо тебе с более простого начать. Говорят, – она пристально всматривалась в пространство кухни, то щуря глаза, то наоборот широко их открывая и не моргая, – надо тебе начать с предметов. Говорят, что каждый предмет несёт на себе память о том, что видел. А фотографии и подавно, особенно, если на них люди есть. Посмотрим старые фотоальбомы, может быть, ты кого-то узнаешь из людей на фото.

Почему-то Екатерине казалось, что никто чужой в дом проникнуть не мог бы. А учитывая сон и слова девочки, вариантов было всего два: это кто-то из рода пришёл помогать защищать малышку или это они, те, кто приходил к ней в детстве. Екатерине очень хотелось, чтобы случился второй вариант. Но какое-то чутьё подсказывало: это не они. Если бы это были такие же нереально красивые и величественные пришельцы, каких видела она сама, малышка бы наверняка не сдержалась от восторга. Она такая романтичная, нежная и ранимая. Они бы впечатлили её. А эти нет. «Люди». Она чётко обозначила их принадлежность. К тем же, кого видела в детстве Екатерина, это слово не подходило вовсе. Ангелы. Даже не так: архангелы – вот это было точно.

У Екатерины до сих пор дух перехватывало от того воспоминания. Что-то в них было запредельное, что-то заставляло простую человеческую душу сжиматься и млеть от восторга.

Глава 11. Мы не мёртвые

– Ну что, крошка, попробуем? – Екатерина осторожно пододвинула к девочке фотографии своих мамы и папы. – Расскажи мне, что ты чувствуешь. Что видишь глазками, не говори, это я и сама вижу, а ты попробуй рассказать, что внутри увидишь.

Девочка, бледная и напряжённая, глубоко вздохнула и опустила глаза. Она мельком пробежалась по знакомым лицам на фотографиях. Смотреть им в глаза почему-то совсем не хотелось, как будто было стыдно, что она живая, а они нет.

– Бабушка говорит, что я зря так думаю, что у каждого своя судьба и что так должно быть: одни живут, другие умирают, старики первые, потом дети. Потом дети вырастают и всё снова, – тихо сказала малышка.

Екатерина судорожно сглотнула и шёпотом спросила:

– А дед?

Девочка подняла глаза на бабушку. Её взгляд как будто пронизывал Екатерину насквозь. Она отчётливо видела, что девочка ни на чём не фокусируется, она где-то далеко. Крошечное её личико утратило все земные эмоции. Почти инопланетянка из кино. Как те неизвестные, которые посетили её саму в далёком военном детстве. Они предложили ей знания. Это было понятно.

Но она испугалась, открестилась, попросила забрать всё, что они давали. Слишком нездешним и пугающим выглядело это явление таких похожих на неё и непохожих одновременно красивых взрослых людей со странными лицами. Слишком страшно было, слишком непонятно, кто эти величественные и сказочно красивые люди с такими вот лицами, как будто излучающими вселенское спокойствие. Большие открытые глаза, глубокий пронизывающий взгляд, необыкновенная сила, которая буквально звенела в воздухе. Они предложили ей дары знаний, а она испугалась. Взяла лишь один – маленькую звёздочку из протянутой тонкой ладони высокого ангела, как самую маленькую конфетку с тарелки, чтобы не обидеть хозяйку и не показаться жадной одновременно.

Тогда они сказали, что это её выбор и больше она их не видела.

Тогда ей казалось, что они слишком равнодушны к её выбору. А может даже осуждают, что она не приняла их великий дар. И всю жизнь она искала людей с иными дарами и пыталась понять, кто те светлые, чья мощь её буквально потрясла до ужаса, до глубины души. Кто они, кого она ни о чём не спросила? А потом всю жизнь искала, чтобы спросить. И сейчас, когда она видела ровно такое выражение лица у совсем маленькой своей внучки, ей так хотелось перебить этот эксперимент с бабушкой и дедушкой, жизнь которых она итак знала до мелочей, и спросить, кто тебе сейчас говорит эти слова, кого ты там видишь, что ты чувствуешь?

Но малышка внезапно ответила сама:

– Не знаю, никого. Сама вижу. Здесь никого нет, кроме бабушки и дедушки.

Екатерину бросило в холодный пот. Она отшатнулась и замерла, закрыв рот рукой. Она буквально чувствовала, как кровь отлила от лица, как похолодело всё внутри. Она искала вот такое всю жизнь, исследовала человеческий мозг и психику, искала ответ на вопрос, что такое душа. И не нашла никого с такими вот способностями. А сейчас её хаотичные разрозненные мысли были считаны мгновенно, весь её внутренний диалог расшифрован малышкой и дан ответ. Всё из того же состояния созерцания и бездны, как ей виделось со стороны. Больше ничего спрашивать она не стала.

– Дедушка говорит, что каждому дано столько, сколько может вынести его душа и у каждой свой урок и свой путь. Он тебя обнимает. Говорит, что ты очень красивая, очень. Гордится тобой. В его время женщин учёных было по пальцам посчитать и он рад, что в его род пришла такая великая душа, как ты.

Детский голосок малышки звучал как будто издалека совсем незнакомыми оттенками, создавая странное эхо в комнате, где его не могло быть по законам физики. Екатерина отчётливо представила, как её дедушка в красивом строгом костюме с неизменными карманными часами ходит по квартире и напутствует её, почему-то взрослую, на работу в институте. Но дедушка этого не застал. Да и одет он был слишком не по-советски: дорогой старинный костюм и карманные часы. Слишком аристократично для советского инженера-железнодорожника пусть и с богатыми и длинными родословными корнями.

– Довольно, – сказала внезапно Екатерина. – Долго беспокоить мёртвых нельзя.

– Мы живые. Душа вечна, – ответила совсем другим голосом девочка, а Екатерина отчётливо почувствовала, как тёплая дедушкина рука погладила её по голове. Она вскинулась и выбежала из комнаты, рыдая.

Девочка медленно положила фотографию на стол. Ей было жаль, что бабушка расстроилась, но очень понравилось, как дедушка и бабушка её обнимали где-то там, в светлом облаке

чего-то искрящегося. Она понимала, что одновременно сидит на стуле в зале за столом, касаясь руками плюшевой скатерти. И в тоже самое время где-то там, в золотом облаке она стоит с ними рядом и её руки обнимают красивую женщину со старомодной причёской и стройного красавца с ровными усами и часиками с парусником на крышечке.

Она медленно встала и подошла к мебелиной стенке. Там за стеклом стояла старинная шкатулка, в которой лежали эти часы, давно уже не работающие, хранили память о другой стране. Сейчас страна снова была другая, уже целых полгода как. А они лежали, как будто ждали своего часа, чтобы проснуться и пуститься в ход.

Она осторожно открыла дверь, подняла крышку и потянула из коробки часы. Теперь в них было ещё что-то более необычное, чем раньше. Она только что разговаривала с их живым владельцем. И его женой, своей прапрабабушкой. Раньше она думала, что видит только будущее и то во сне, но как описать это? Неужели она видела небеса, где живут мёртвые? Наверное, да. Ведь она мечтала дойти до конца света и увидеть там, на краю белые и золотистые облака. Практически так это сейчас и выглядело. Где-то там, за краем земли живут они, мама и папа Екатерины, бабушка и дедушка Екатерины. И они её любят.

Она осторожно положила часы обратно и пошла делать уроки.

Через какое-то время Екатерина заглянула в комнату. На подставке для книг стояла математика, девочка в черновике решала задачки. Тихо, молча, как всегда, как будто ещё полчаса назад не смотрела по ту сторону бытия, выбивая из привычной колеи её саму и всё мироздание. За что боролись, на то и напоролись. Ведь это она всю жизнь хотела постичь эти тайны, она стремилась туда, за грань, раз побывав там и так скоропалительно отказавшись. А эта нет. Она просто ребёнок. И ей просто это дано откуда-то свыше сразу и с горкой. И она не дрогнула. Мгновенно вошла в это состояние и так же спокойно из него вышла. Спокойно вышла и спокойно сидит решает задачки. Почему не испугалась, почему не плачет, не спрашивает, что это? Кто же она в итоге?

Екатерина тихо ушла на кухню, достала из шкафа жестянку с чаем, насыпала в чайник, поводила рукой, пошептала, заварила кипятком. Всё, что она умеет, травки, заговоры, прочая ерунда, но чтобы вот так. Она тяжело села на стул и медленно мешала ложкой травяной чай, густо заполняющий пространство кухни запахами из детства. В войну они переехали из города в деревню, где очень старая бабулечка, которой настолько давно перевалило за сто лет, что уже и не сосчитать было, мать её деда, учила маленькую Катюшу собирать травки и они вместе с бабушкой и мамой постигали азы несложного, но тяжёлого ручного труда на селе. После войны это вообще было спасение. В разрушенном городе было голодно и дедушка их всех оставил у матушки в деревне. Выросшая в купеческой семье и неизбалованная, его бабуля сама воспитывалась среди мамушек и нянюшек, что умели не только нужный подорожник на ранку приложить, но и верное слово сверху сказать, чтобы зажило.

Это только Екатерина и доказала научно: слово имеет большую силу. Так и не одна она. Все, кто пробовал, получали поразительные результаты: слово, музыка, звук может убить или исцелить.

Но она шла из страха и работала под страхом, и двигал ей, если очень глубоко шагнуть внутрь, именно страх: страшно, дико страшно, но очень хотелось снова встретиться с ними. И страшно было узнать, кто они. И страшно было, что они появятся и скажут, ты сама отказалась от своих даров, чего же ты сейчас просишь?

А малышка идёт из любопытства, из игры: кто я, что я умею, а мысли читать, а летать, а кто мы, а где бог?

Как же это происходит? Ведь её детство, в общем, такое же, как и у других детей, обычное детство, но необычная она сама. Местами суший ребёнок, наивный, чистый, как все, с другой стороны спокойная мудрость и такой глубокий интерес ко всему, как тут всё устроено. Как

будто она не отсюда. Что ж, Екатерина просила знания, искала связь и они были даны, открыты. Вот прямо так, целым куском золота в руки. Хотела, получи.

В дверь позвонили. Екатерина как будто вынырнула из метафизического существования и окунулась в серую неизбежность новой страны. Страна-то новая, а проблемы старые. Магазины пустые. Дома сплошные скандалы. И это ещё. С ума бы не сойти.

Вдруг в дверь кто-то настойчиво постучал, сбив её с мыслей.

– Кто там? – крикнула она.

– Это Тамара, соседка, – глухо раздалось с площадки. – Кур выкинули в гастрономе, побежали, Кать.

– Иду!

Глава 12. Бог и обезьяны

– Бабуля, а откуда мы все? – спросила девочка, перебирая поздние осенние цветы на столе.

– От мамы с папой, – подмигнула Екатерина.

– Нет, бабушка. Все-все, и мама с папой тоже. От бога?

Екатерина пристально посмотрела на малышку, та нюхала пышную белую астру и смешно вертела ею перед носом. Густой горьковатый запах осенних цветов напоминал её собственные школьные годы и букеты для учителей. Сейчас она была учителем. Учителем для маленькой девочки. Но таким, который толком никаких ответов не знал. Вот бы спросила, какими травами кровь остановить, какими лекарствами заставить человека говорить, что он думает. Вот тут ей равных нет. А как мир устроен? Кто его знает.

– Можно и так сказать.

– То есть, человеки не от обезьяны произошли? – немного нахмурившись, спросила девочка.

– Я очень сильно в этом сомневаюсь, – ответила бабушка. – Нет достаточных научных данных для такого заявления. Мы все из какого-то одного биологического источника. Я бы это так назвала. Хотя если брать совсем глобально, всё во Вселенной состоит из одних и тех же веществ. Просто по-разному смешанных. А вариаций этих неисчислимое множество.

– А кто это всё смешивает?

– Если хочешь, то бог.

– А как его зовут? – девочка стала складывать веточку к веточке, выбирая почему-то самые маленькие соцветия.

– Я не знаю, малышка. У каждого народа есть свои представления о том, как мир сотворён. У кого-то всемирное яйцо было, у кого-то Солнце породило народ, а у других Луна. У одних великий змей, а другие пришли с неба.

– Инопланетяне, что ли? – удивилась девочка.

– Вроде того, – согласилась Екатерина. – И каждая история не такая уж фантастична, если разобраться. Просто так давно всё это было. Я думаю, что в пересказе от бабушки внучке, из поколения в поколение что-то искажалось, что-то забывалось, что-то специально утаивалось и вышло, что вышло.

– Почему же они не записывали? Это же просто и ничего не пропало бы, – развела руками девочка.

– Не в каждом народе письменность была, считают учёные. Истории пересказывали, чтобы помнили. Так знания передавали. Это если брать в расчёт теорию про обезьян и каменный век. А я вот что думаю. Так трудно людям было, что и не до записей. Есть у меня мысли по этому поводу. Говорят, что в древности люди жили очень и очень давно, если ли не вместе с динозаврами. А те, что в каменном веке жили, в шкурах ходили и на мамонтов с палками бегали, эти уже после великих древних цивилизаций появились. Или деградировали, или

вообще от радиации произошла мутация такая, породившая примитивные ветви человеческие. Вот что я думаю.

– Не может быть! – всплеснула руками девочка.

Два бутона в руках забавно стукнулись друг об друга и на стол посыпались нежно-розовые лепестки астр. Екатерина рассмеялась:

– А вот и может, но это секрет. О таком тебе в школе не расскажут, но есть мысль, что так и было. Просто люди стали воевать и друг друга поубивали почти, разрушили всё на планете. А те, кто выжил, так были заняты сохранением жизни своих детей, да и своей, что не до записи историй им было. Вот они и забыли всё, а потом уже некому стало рассказывать, что да как. Выросли на Земле новые люди, построили новые города, а о прошлой войне ничего не помнят. Вот и получается, что Змей Горыныч может оказаться ручным динозавром, ковёр-самолёт – древним «Москвичом», что в каждом доме был, а летающая ладья – какой-нибудь транспортный корабль, а может просто городской летающий автобус.

Девочка замерла с букетом в руках. Глаза её были полны восторга.

– Это же просто сказка! Вот бы здорово было, – запрыгала она на месте. – В школу на ковре-самолёте, а потом его в гардероб сдал тёте Вале, и он там в трубочку свёрнутый стоит.

Бабушка расхохоталась:

– А я бы сапоги-скороходы купила, чтобы на дачу утром бегать за свежей клубникой.

– А я бы завела ручного саблезубого тигра и научила его урчать и ездила бы на нём гулять.

– А я бы Змея Горыныча и водила его на свою работу, чтобы он там на всех смотрел страшным глазом. Хотя тогда бы в моей работе нужды и не было. Я бы тогда пошла не в доктора, а в ботаники и выращивала цветущий папоротник и сон-траву.

– А сон-травы есть? – спросила малышка.

– Есть, она у нас растёт ранней весной. Вот цветок папоротника я не видела. С научной точки зрения его нет. Это древнее растение, которое размножается спорами.

– А с не научной? – хитро прищурившись, спросила малышка.

– С не научной, мне вообще кажется, что это какое-то другое растение. Или какое-то явление, которого мы не знаем. Из разряда тех же, по которым в Иерусалиме накануне Пасхи сходит благодатный огонь, помнишь, я рассказывала? Или, например, явление, благодаря которому на Крещение вся вода меняет свойства.

Девочка села на стул, окончательно сражённая. Сколько магии и волшебства вокруг! И ни о чём таком в школе не рассказывают! Почему? История о том, как сам собой на Пасху огонь загорается в далёком каком-то городе, она помнила с раннего детства. Всякий раз она доводила её до колких мурашек, которые буквально по всему телу мчались галопом от пяток до самой макушки и, срываясь, оттуда, кажется, улетали в космос.

Невыносимо хотелось оказаться в этом месте и самой держать свечу, которую зажжёт неведомый бог прямо в твоих руках. Быть может, удастся и его самого увидеть хотя бы краешком глаза. Ну очень хотелось. Может быть, он не такой таинственный и не такой страшный, как это рассказывают в библии? А то он там всё время то осерчает на кого, то потоп устроит, то сына отдать велит, то своего, то чужого. С Иисусом вообще не понятно. Зачем?! И в то же время такие чудеса делает. Такой странный бог. Как будто сам не знает, что творит. Она вдруг покраснела и как-то вжала голову в плечи.

– Ты чего? – спросила внимательная Екатерина.

– Я подумала, – ответила шёпотом девочка, – что бог странный. Вдруг он услышит и рассердится.

Екатерина даже не знала, как реагировать. Тут взрослые такое делают порой, что будь тот бог начеку всё время, тут бы периодически кто-нибудь взрывался, грубо говоря. А поскольку в мире творится в среднем постоянный и даже не локальный караул, она иногда очень сильно сомневалась в его существовании вообще. Особенно в годы войны. И когда увидела тех самых

ангелов или кто они были, наверное, немного верить стала. Вот только думала, что те ангелы и бог, который карающий и делящий на ад и рай своих детей – играют за разные силы. Определённо силы света. Но ангелы ей казались добрее почему-то.

Ей самой никак не давалась эта сложная иерархия тысяч земных богов. Правда, только что она объяснила внучке вполне доходчиво, как историй сотворения мира стало слишком много. Но это отрицала официальная история. А наука доказывала, есть некие волновые колебания, которые способны влиять на материю, доказывала, что время не линейно и с пространством не всё так просто. Поэтому Екатерина не просто верила в наличие неких мистических или высших сил, но и полностью была уверена, что во всем многообразии жизни во Вселенной они постигли лишь каплю воды в океане. И судить по ней о том, как устроено безгранично и постоянно меняющееся пространство мирового океана не просто не профессионально, но на удивление глупо. Это и ребёнку понятно.

Глава 13. И было слово

– Бабуль, а почему, когда заговоры всякие говорят, бубнят как бабки Ёжки? – спросила девочка, добавляя в ступку ложкой очередную травку.

Перед ней на столе стояли стеклянные банки, наполненные какая до краёв, какая только на доньшке, разными сушёными травами. Все эти остро, пряно и горько пахнущие богатства они с бабулей собирали прошлым летом. Целый год уже она чувствовала себя ученицей волшебницы. Иногда ужасно хотелось кому-нибудь рассказать, что она уже запомнила столько всего и умеет различать сотни две разных трав и деревьев! Папа с удовольствием дарит ей на все праздники книги о природе и космосе. Это самые любимые её науки. Елена Васильевна в школе не нарадуется. Каждый урок природоведения она её поднимает, чтобы спросить какой-нибудь интересный факт по теме. Приходится листать учебники вперёд и смотреть, что там почитать надо заранее: про песка, каменный уголь или жителей тайги. Интересно, конечно, но иногда немного страшно. Вдруг забудется что-нибудь. И главное не заболтаться, не начать рассказывать, как сибирские знахари лечат сборами трав, а в Китае тигров разводят, чтобы из них лекарства делать. Там такой ужас бабуля рассказывала. Жалко тигров прямо очень. Они такие пушистые и полосатые. Она видела в Московском зоопарке. После первого класса бабушка наградила её поездкой в Москву.

Ей иногда даже не верилось, что такое необыкновенное приключение с ней произошло. Красная площадь, ВДНХ, цирк, зоопарк. В зоопарке она бы осталась жить, но там не очень хорошо пахнет. И хотелось забраться в каждую клетку и выпустить и погладить зверей. Бабушка говорит, что сама не может определиться с тем, нужны они или нет. С одной стороны зоопарки помогли сохранить и снова поселить в лесах и полях сотни животных, которых люди истребили почти. С другой, жалко зверюшек очень. Они никогда не видели свободы. Почему-то ей тоже хотелось плакать в зоопарке. Особенно, когда животные подходили ближе и было слышно, как они урчат, рычат, мяукают. В общем, малышку тоже беспокоило то, как занять свою позицию в этом вопросе.

Казалось бы, чего проще? Мир огромен, животные прекрасны невероятно. Сколько грации и красоты в каждом. Так зачем их убивать и держать в неволе? Но люди думают иначе. Ладно бы, ради еды, а то ради шубы или коллекции бивней. Вот это совсем было странно. Бивни же бесполезны. Шуба хоть тёплая. У неё искусственная, чёрненькая с поясом. Мама купила в той самой Москве, пока они с бабулей были в музее Дарвина. Бабушка говорит, что настоящая ведьма должна очень хорошо науки знать. Всё-всё про устройство мира, животных, растения и так далее. Голова кругом! Но так интересно!

И теперь она ведьма. Ужас! Бабушка теперь её так называет. Маленькая ведьма!

Она улыбнулась и открыла новую баночку.

– Сколько положить надо? – спросила Екатерина, внимательно наблюдая за тем, как девочка задумчиво перебирает баночки.

Определённо она носилась в каких-то своих фантазиях. Но ни у неё, ни у Екатерины не было того самого притягательного для женщины дара: читать мысли. Считывать поведенческие реакции, страх, боль, ужас, стыд, ложь – это не хитрое дело при определённых познаниях. И они, и их заокеанские коллеги тут продвинулись хорошо. Как ни крути, а человек всегда реагирует телом на все раздражители. Но вот как понять, что конкретно и дословно он думает.

Иногда Екатерине было жаль, что у девочки даров много, а этого нет. Сама бы она тоже от него не отказалась. И каждый раз в этот момент вставали перед ней прекрасные большеглазые инопланетяне, как называла их девочка. Что за дары они тогда ей самой принесли? Кто теперь узнает. Её жизнь прожита почти полностью. Она почему-то очень отчётливо это понимала. Наверное, всё-таки какой-то намёк на предвидение есть и в её дарах, вот только он скорее призрак желаемого. А у девочки он отчётливый.

– Две ложки. Вот эту травку с сиреневыми цветочками. Это иссоп. Для отвара от кашля просто необходим, – деловито ответила девчушка и подмигнула бабушке.

– Добавляй, – махнула рукой Екатерина, любуясь нежными и аккуратными движениями малышки, её озорным личиком. Вся эта картина так разительно отличалась от того ученичества, которое она проходила сама. Сейчас это была весёлая и глубокая игра, в которой прабабушкины знания и умения были поддержаны знаниями научными и рецепты выверены и отлажены уже самой Екатериной. Это была её отдушина. Лекарственные и ядовитые травы. Она могла сутками перебирать свои записи, сравнивать рецепты, отбирать травы, переставлять баночки и перебирать мешочки. Иногда вечерами, очень редко, она садилась вышивать на тонком льне цветочки и травки. Потом она шила из них мешочки и раскладывала в прихожей в специальном шкафу. Чего тут только не было!

Девочке казалось, что ни в одной подаренной папой книжке не было столько трав и сушёных грибов, сколько в бабушкиной коллекции. И все для чего-то нужны и каждое название и применение надо было выучить, потому что теперь она настоящая ведьма. Это пугало и веселило её одновременно. Это был тот самый секрет, который объединял. Секрет не страшный, но который никому ни за что нельзя открыть. Секретный до мурашек. Никому нельзя говорить! Никому-никому! Это игра. Это жизнь. Это опасно. Так говорила бабушка.

«Зелёные аптеки» были и в их городе, туда бабушка иногда навещалась за какими-нибудь травками из других регионов. Иногда они очень нужны оказывались для лекарства или для красоты.

Все бабушкины знакомые знали, что она доктор. Скромный и не словоохотливый. Но толком о своей работе никому и никогда она не говорила. Работала она в каком-то институте. В школе говорили, что она психиатр. Соседки же думали, что фитотерапевт, потому что на любую хворь, синяк или слезливое настроение находился у неё специальный душистый чай. Папа говорил, что она просто волшебница. А мама, что её матушка слишком умная и задаётся.

На самом же деле о том, что у Екатерины необыкновенно боевой характер, знали разве что её муж и коллеги по работе. Дома она скорее была строга и принципиальна. Ругалась бабушка исключительно редко и только со своей Надюшей.

Иногда папа говорил, что бабушкины знания о травках надо и на Надюшу применить, чтобы она поспокойнее была. Но Екатерина не хотела. Не могла. Она придерживалась какого-то своего, одной ей известного кодекса, который не позволял исподтишка ни лечить, ни менять волю человека. Папа говорил, что это честь и достоинство благородного человека. А девочка теперь знала, что так поступают настоящие ведьмы, те, которые всё знают про устройство мира и каждую живую тварь в нём. Так говорила бабушка. Она обычно превращала это в шутки и неизменно подмигивала, когда говорила, что у них теперь свой ведьмин круг. Круг был неширокий. Всего-то они вдвоём. Но иногда, когда девочка учила с бабушкой старинные слова и

рецепты, она видела краем глаза группу женщин в странных вышитых одеждах. Похожи они были на рисунки из книжки про Илью Муромца или Финиста – Ясного Сокола. В общем, очень сказочные одежды на них были. Девочка любила, когда они приходили, так ей было почему-то спокойнее и лучше всё получалось. Но кто они, она не знала, и бабушке не говорила. Она хорошо запомнила, что если передавать слова мёртвых бабушке, она будет горько плакать. А от этого очень болит в груди и тоже хочется плакать. Было жалко бабушку и себя немножко. Поэтому, когда приходили женщины в старинных вышитых одеждах, она им тайком подмигивала и старалась делать всё на пятёрку.

Закончив смешивать травы, девочка подняла голову на бабушку:

– Тереть?

– Да, бери пестик и перетирай. А потом бубнить будешь, как ты изволила выразиться. А бубнят по разным причинам. Для начала большинство ведающих старушек действительно настолько стары, что только бубнить и могут. Советская власть много сил приложила, чтобы последние остатки древних знаний объявить глупостью и мракобесием. А потом у нас фитотерапия стала официальной наукой и лечение травами вернулось, только с другого боку и снова оказали, что крапива кровь останавливает, а сосновый воздух лечит сердце и лёгкие.

– А раньше не знали?

– Конечно, знали. Люди тысячи лет живут. Уж как-то до этого знания они дошли. И знали сотни лет назад, до христианства, потому что это всё там было обыденным, даже не магическим и не тайным. Это каждый человек знал. А потом уповать только на бога стали, а медицина вот такая простая уничтожена была почти. Только от матери к дочери тайно разве что и передавали. Постепенно знания угасали. Да полностью такое не истребить. Это действительно помогает, поэтому и живёт в народе.

– Так, а теперь вторая причина, – старательно, медленно и уверенно орудуя пестиком в каменной чаше, спросила малышка.

– Вторая – это слово волшебное. И тоже наука пришла к тому, что определённые звуковые колебания по-разному действуют на человека. Помнишь, я тебе рассказывала, что бывает вода живая и мёртвая? Её в лабораториях делают. А ещё на Крещение живая вода сама как-то в природе получается?

Девочка охотно закивала головой.

– Вот есть исследования одной лаборатории, где выяснили, что бабулькины бубнилки на самом деле тоже могут живую и мёртвую воду делать, только прямо внутри человека! – Екатерина нарочито выпучила глаза, едва сдерживаясь от улыбки.

– Да ладна! – удивилась малышка и перестала тереть травы. – Этого не может быть!

– А вот и может, – Екатерина с удовольствием откинулась на стуле.

– Но как же так? Человек – это же мясо и кости! И крррровь! – алчно вскинув ручонки и оскалив зубы, зарычала девчушка.

Екатерина расхохоталась:

– Больше никаких сказок про леших и русалок, никаких троллей и прочей чуши, я пас, я так от смеха умру, ты бы видела себя!

Девчушка тоже смеялась, точно зная, что уж она-то меньше всего подходит на роль нечисти. В пионерском лагере при школе они ставили сказку какую-то самодеятельную про День Нептуна. Специально на три дня ездили в настоящий загородный лагерь на фестиваль-смотр самодеятельности. В русалки её не взяли, хотя у неё были самые длинные волосы и она дивно смотрелась в венке. Зато в хоровод девиц-красавиц её отобрали первую. Наивная юная красота: чистые серо-голубые глаза, длинные русые косички, бледная кожа и очаровательный румянец. Тонкая длинная первоклашка запомнилась приглашённым гостям и её позвали в детский театр, но она отказалась. Сказала: не хочу чужую жизнь играть, мне своей заниматься некогда.

Мама рассердилась. Папа посмеялся. Екатерина страшно гордилась тем, что малышка осталась верна своему выбору: наука или строить домики. Полезная профессия. А играть и танцевать можно и в школьной самодеятельности, тем более её это не вдохновляет. Она с большим удовольствием придумывала в лагере костюмы, и рисовала огромные деревья на кусках старых обоев. Екатерина отложила все дела и приехала в лагерь. Благо директор был старый друг по комсомольской работе. Три дня она варилась в этом невообразимом детском коллективе, где взрослых почти нет. Вожатые-студенты сами ещё большие дети.

– Так вот, вампирёныш ты мой, человек со всеми своими костями, мясом и кровью почти полностью состоит из воды. Она – основа всего, всей жизни на Земле. Только благодаря наличию именно такой воды, которая есть на нашей планете, возможна жизнь в принципе. Поэтому и говорят, что слово бога или какого-то высшего разума, то есть некое колебание волновое, могло породить такие процессы в жидкости на планете, которые стали основой жизни.

– Подожди, то есть некий старый бог сказал «живите» и вода стала живой? – развела руками девочка.

– Слушай, а твоя трактовка мне нравится даже больше, чем моя учёная. Ты молодец! Улавливаешь самую суть. Вот именно поэтому ты такая необыкновенная. Ты как будто уже всё знаешь. Иногда мне кажется, что ты просто вспоминаешь, что уже знала раньше.

Екатерина пристально посмотрела в лицо девочки. Та почему-то поджала губы и опустила глаза. На самом деле девочке тоже так казалось. Ответы на все вопросы возникали в голове как будто сами собой, особо и думать не приходилось. Что там думать, сейчас чуть-чуть и ответ придёт. Не всё, что есть в мире, давало ей свои ответы, а хотелось бы, конечно, чтобы всё. Но иногда в школе было невыносимо скучно, казалось, она слышала это всё сто раз. Даже если не читала учебник вперёд. А иногда ровным счётом ничего не знала, как вот сейчас. И теперь просто необходимо было разобраться в этой магии: говорить разные слова и получать мёртвую и живую воду.

– А какие слова нужно говорить? – спросила девочка, подняв глаза и заливаясь румянцем.

– Чтобы воду живую и мёртвую сделать? – поняла Екатерина.

Девочка кивнула.

– К счастью, никакого точного рецепта мы не нашли. Иначе этому миру давно бы пришёл конец. А если и найдём, никому не скажем. Ни ты, ни я, потому что и у стен есть уши.

Девочка удивлённо вскинула брови и осторожно посмотрела на стену в весёленький цветочек, около которой стоял кухонный стол. Она слезла со стула, немного отодвинула его от стены к краю стола и забралась обратно:

– Не пугай меня так, – строго сказала она, глядя на бабушку. – Я теперь около стенки спать не смогу.

Екатерина снова рассмеялась. Чувство юмора росло вместе с девочкой. Судя по всему, вырастет она огненной. Палец в рот не клади. Впрочем, с такими способностями это и не удивительно. Если не научиться глубоко скрывать, то её необыкновенность будет читаться буквально во всём. Богато одарённая, она будет светить во всех сферах, которых коснётся. Если её такой сюда привели, то это не случайно. Зачем, ей не дано знать. А так хотелось бы.

Глава 14. Как все

Девочки сидела, положив голову на сложенные на столе худенькие ручки, и периодически горестно вздыхала. Иногда они с бабулей упирались в какой-то тупик, из которого, казалось, нет выхода совершенно никакого.

Ни одна, ни другая понятия не имели, что дальше делать. Екатерина пробовала любые способы для определения способностей внучки, а девочка иногда понятия не имела, что есть только у неё, а что у каждого человека вокруг.

– Может, хватит? – сказала она грустно.

Екатерина нежно погладила её по голове.

– Маленькая моя, ты не подумай, я просто хотела проверить.

– Ты всё припоминаешь мне ту историю, – вскинула голову девочка. – Я же просто играла в школе. Мне самой больно, обидно и грустно. Теперь каждый раз вспоминаю и думаю, зачем я это сделала? Зачем мне вообще все эти дары, если я их даже применять не могу? Меня полгода в школе колдовкой дразнили. А учительница вообще меня боялась. Так смотрела на меня, как будто я и правда опасная.

Она снова уронила голову на руки, как будто тяжесть мыслей, чувств и способностей не давала ей не то что сидеть ровно, но вообще голову поднимать.

– Насчёт учительницы ты не права, – осторожно сказала Екатерина, впервые, наверное, сознавая, какой тяжёлый крест несёт малышка. – Это я сделала так, чтобы Елена Васильевна относилась к тебе очень внимательно и не позволяла себе лишнего. Извини, если это выглядело иначе. Я сама первый раз так делала. Никогда раньше до того случая не пробовала. Проснулось во мне что-то, чего я не знала. Толком до сих пор не понимаю, как это работает. Случалось, что я такую силу в себе и раньше ощущала, но вот чтобы так... В общем, я в раздумьях. Но, подозреваю, что как раз эта сила и может помочь мне и тебе научиться и защищаться, и предмет двигать, и другие действия совершать. Только не знаю, как её обуздать, как тебе помочь её почувствовать. Но я точно знаю: могу тебя защитить, пока сама в силе буду.

Девочка медленно подняла голову, откинулась на стуле и долго пристально смотрела на бабушку. Екатерина по привычке тут же начинала сканировать сама себя, пытаясь понять, где сейчас её внучка бродит: читает её мысли, исследует её чувства, ищет страхи внутри её сознания. Почему и зачем она так пристально на неё смотрит?

Иногда она ловила себя на том, что не может не применять на малышке методов диагностики, какими воспользовалась бы Екатерина-профессор на работе. Благо дома это всё ограничивалось разговорами и небольшими практическими занятиями. Ей самой было омерзительно думать о себе, как чужом человеке для внучки. Она не должна и не имеет права быть с ней чужой, не родной, не защитницей. Все молитвы и обряды, всё, что она знала и умела было посвящено только одной теме: кто такая эта крошка и что должно случиться в её судьбе? Для чего она пришла? Иногда ей казалось, что когда она в сотый или двухсотый раз обратится к Роду или богам за ответом на один и тот же вопрос, последует неизбежное наказание. Но ничего не происходило. А ответ в среднем был один и тот же: всё будет, как будет. Но внутренний страх Екатерину не покидал: главное, не переступить черту, не обнаглеть слишком сильно.

– Всё равно от этих даров толку никакого, – настаивала девочка. – Ну знаю я какую ошибку в контрольной сделаю. Так я её всё равно сделаю, – на глаза навернулись слёзы. – Мы сто раз пробовали. Я не могу ничего изменить. Я просто вижу, что будет и всё!

Екатерину это знание тоже мучило. Она сама не могла никак понять, почему так происходить. Видение было чистым, без ошибок. Но как этим пользоваться, кроме того, что ты знаешь весь день досконально? Может быть, в этом и соль, а может быть, они что-то упускают. Девочка слишком мала, чтобы понять, а Екатерина определённо чего-то не видит, чего-то не понимает, что-то ей не даётся или, быть может, вовсе не дано понять, что это и для чего. Быть может, однажды они что-то такое поймут или увидят. Но не сейчас.

Поначалу девочка воспринимала это как забавную игру, но со временем знания стали тяготить. Никакого волшебства и магии в этом не было. Маленькая ведьма, как звала её Екатерина, всё больше понимала, что её участь – много работать над способностями и дарами, вести скрытный образ жизни и эта ещё постоянная гнетущая тайна, которую никому нельзя рассказать. Что будет дальше? А если дары будут развиваться со временем и когда наступит возраст, который фольклором, мифологией и прочим литературным творчеством называется

критическим, что тогда? Сможет ли она скрываться или потом наступит что-то такое, чего будет не скрыть?

Больше всего в этой ситуации их обоих мучило отсутствие ответов.

Иногда приезжал Вячеслав Михайлович и они вместе ходили гулять в парк. Пока малышка штурмовала горки и карусели, они обсуждали её настоящее и будущее. У Славы ответов было не намного больше, тем более, что при нём девочке тоже было запрещено проявляться. На всякий случай, не потому что Екатерина не доверяла ему, а для того, чтобы девочка знала: никаких исключений даже для самых близких нет. Никто не должен знать, значит, никто. Только бабушка может разрешить кому-то открыться. Только она.

Во всех остальных случаях малышка просто обычный советский октябрёнок, отличница и призёр олимпиад. Менять будущее она не может, следовательно, остаётся только смириться и смотреть на него, принимая всё, что даруют неизвестные создатели всего сущего.

– Ты знаешь, Славочка, мне кажется, она всё реже видит будущее, как кино, – осторожно сказала Екатерина.

– Быть может, ты на неё слишком давишь? – ответил он.

Екатерина немного смутилась. Всё-таки она была слишком горячей и боевой, а девочка – чистый ангел, послушно делала всё, что она просит, всё что получилось:

– Я тоже так думаю, – потупив глаза, ответила женщина. – Я командир ещё тот. Сама себя боюсь. Но знаешь, мне кажется, она его намеренно угнетает и не даёт ему проявляться. Она считает его бесполезным.

Слава не ответил. Такое он уже встречал. Иногда им казалось, что их подопечные не хотят отвечать на заданные вопросы, потому что их работа может быть опасна для других людей. Одарённые едва ли не сплошь пацифисты. А сейчас он всерьёз задумался о том, что дар можно применять и развивать, значит, его можно и другим образом контролировать. Как-то сбить настройки или не отвечать этому голосу свыше, который тебя наполняет знаниями и делает избранным. Иногда он был уверен в том, что все эти способности, что-то вроде радиопередачи от кого-то иного. Но от кого? У них было принято считать, что это личные врождённые способности человека, которые можно развить в каждом индивиде. Как умение считывать общее информационное поле Земли или даже всей Вселенной. Но Вячеслав полагал, доступ в эту библиотеку далеко не всем открыт. Знания так и остаются сакральными в любые эпохи и при любых правителях. Правительства против, поэтому постоянно ищут, как бы вломиться с ноги в эту сокровищницу. Любую сказку возьми: главное, проникнуть внутрь золотой пещеры и натереть побольше. И золото с драгоценными камнями, и охраняющий их дракон, и джин и прочая мифология – это всего лишь иносказательное описание чего-то единого, что даёт доступ к библиотеке великих знаний, к настоящей сокровищнице. И тогда лампа Алладина – это коммуникатор с персональным роботом, а ковёр-самолёт – простейший флайер и так далее. Вячеслав был склонен думать, что знания остались от некой древней цивилизации из глубин космоса, а Екатерина – что некие древние боги и сила рода хранят знания. Некий вселенский разум, мудрый и старый бог.

Они подолгу обсуждали доказательства и противоречия обеих теорий и ни разу это не ввергало их в разногласия. Казалось, они болтают о каких-то книгах или мультиках, о чём-то не слишком серьёзном, но очень увлекательном, как будто придумывают свою собственную историю происхождения всего. И пределу их фантазии попросту нет и быть не может.

Глава 15. Да минует меня

Екатерина проснулась в какой-то странной тревоге и спустилась на первый этаж дачного домика. Голос малышки она слышала ещё на лестнице. Девочка с кем-то разговаривала. Екатерину бросило в холодный пот. Этого быть не могло! Родители в отпуске на югах, и зайти в

дом в таком случае могли только воры. Она осторожно сделала пару шагов назад, из старого сундука около входа в спальню достала припасённый на такой случай старый и до дури тупой топор. Затем Екатерина снова осторожно спустилась на лестницу, надеясь, что незваный гость не успел её заметить в первый раз, и, едва дыша, прислушалась.

– Господи, и пусть бабушка больше меня не мучает. Я всё равно ничего не умею. В будущем нет ничего интересного, одна учёба скучная. Можно мне вместо этих даров что-нибудь другое? Может, у тебя есть другие? Вот бы волшебную палочку или что-нибудь такое. Я бы вот летать хотела.

Екатерина медленно опустилась на ступени и прислонилась лбом к перилам. Конечно, никого в комнате не было. В посёлке летом была слишком активная дачная жизнь, вряд ли бы кто-то рискнул забраться в чужой дом, когда вокруг все соседи на грядках скачут с раннего утра.

Девочка сидела за круглым столом в большой комнате и держала в руках иконку, что обычно стояла на окошке за шторкой, оберегая дом. Девочка болтала ногами и разговаривала с боженькой простыми детскими словами.

«Пусть меня бабушка больше не мучает». Как больно было это слышать...

Всё-таки Слава прав, она сильно на девочку давит. Екатерина медленно поднялась и пошла в спальню.

Минут через десять в комнату забежала девочка:

– А ты почему до сих пор спишь? – весело спросила она.

Екатерина сидела за крошечным туалетным столиком с пучком шпилек во рту и собирала роскошную косу в причёску. Она только развела руками и улыбнулась уголками губ.

– А, ясно, не ешь их только, как папа говорит, – девчушка разбежалась и упала, раскинув руки, на скрипучую кровать. Сетка радостно подбросила её и все перины вместе.

Екатерина тем временем с интересом наблюдала за ней. Вроде только что она была грустна и опечалена своей участью и вот скачет и поёт. Как прекрасно всё-таки детство, когда ещё умеешь мгновенно переключаться с плюса на минус. Но как глубоко внутри сидит эта её боль о бесполезных способностях, и как, должно быть, это её беспокоит, что она ранним утром сидит на кухне и молится с иконой в руках. По-своему, по-детски, но с таким пониманием.

– Что делать сегодня будем? – спросила бабушка, наконец заколов все шпильки.

– А разве мы за травами не пойдём в лес? Ты же учить меня собиралась? – девочка встала на ноги и весело подпрыгнула на кровати под самый низкий потолок мансардного этажа.

– Если хочешь, можешь не учиться. Трава никуда не денется. На даче можно не только работать, но и отдыхать.

– А у ведьм бывают выходные? – с удивлением спросила девочка, снова подпрыгивая.

– Отчего же, бываю. Это не значит, что перестаёшь быть кем-то: мамой, бабушкой, дочкой, профессором или капитаном дальнего плавания. Просто отдыхать и ничего не делать тоже хорошо. Это может радовать и наполнять силами. Разве плохо выспаться, хорошо покушать и просто сидеть и читать книжку и смотреть «В гостях у сказки»? Как на мой вкус, очень даже отлично, – бабушка подмигнула озорно и лукаво.

– Что ты задумала? – также весело подмигнула ей девочка.

– А сейчас быстро испечём пирог и пойдём в гости к Марии Григорьевне, старушка одна интересная тут есть. Она жена моего двоюродного брата. Да ты, может, помнишь их. Давно, правда, не виделись. Как Ефремов умер, Машенька уезжала к детям на Дальний Восток. Вот вернулась. Она кукол шьёт. А раньше в кукольном театре работала. Тебе понравится. А ещё там есть собаки и кошки, как будто цирковые. Давно я у неё не была.

– Ура! – девочка высоко подпрыгнула на кровати и едва не стукнулась головой о потолок.

– Тише ты, а то в космос улетишь, и как я тебя буду искать, – Екатерина подошла, и поймала маленькую баловница в охапку.

Девочка крепко обняла её и замурчала, положив голову на плечо. Екатерина почувствовала, как остро защемило в груди. Она всё равно её любит и именно с ней делится своими радостями, несмотря на то, что Екатерина её «мучает». Придётся искать новые пути. Может, всё не так страшно. Может и можно встроиться в эту жизнь с тем, что есть и не обязательно настаивать на развитии и искать причины дара. Он есть, так пусть всё будет, как будет.

Глава 16. Сказочный домик

Домик Марии Григорьевны был тёмно-коричневого цвета, как жжёная карамель. Деревянный фасад и резные наличники заметно отличались от традиционных сельских. Этот дом весь напоминал сказочный, выдуманный.

– Так красиво, – протянула малышка и всплеснула руками. – И розочки вокруг.

Огромные кусты шиповника разных сортов плотно закрывали забор. Калитка буквально терялась в ветвях.

– Домик Сергей Фёдорович построил. Он был архитектором и большим затейником. К сожалению, он умер уже. Тоже очень интересный был, начитанный, такие истории рассказывал весёлые всегда. И руки золотые. Очень они с твоим дедушкой Димой дружили.

Бабушка постучала кованым молоточком в двери. Во дворе на разные голоса залаяли собачонки. Минуту спустя дверь в доме открылась и раздались шаркающие по бетону медленные шаги.

– Это Екатерина, – предупредительно крикнула бабушка.

– Ой, душенька, – раздался старческий голос, шаги ускорились.

Мгновение спустя в широко распахнутую дверь кубарем вывалились несколько мелких разномастных собачонок, а Екатерину заключила в объятия невысокого роста сухонькая старушка.

Бабушка то ли засмеялась, то ли заплакала, что-то было непонятно, но выглядело очень трогательно. И малышка тоже их всех почему-то обняла.

– Какая ты большая выросла, – повернулась к ней Мария Григорьевна. – Как же мы давно не виделись, девочки! Мои как приедут, тут и минуты нет посидеть. Сама понимаешь, Дальний Восток далеко, в гости к маме не наездишься. А самой уже не до гостей. Ноги слабеют, Катюша, скоро бегать перестану совсем.

Мария Григорьевна медленно присела на стул, раскидав по полу длиннющие кисти большой кружевной шали.

Малышка залюбовалась старушкой. Худенькая и маленькая, она сама была похожа на старую куклу с немного растрёпанными волосами совершенно серебряного цвета. Разделённые на пробор волосы, за ушами были уложены в два симпатичных пучка и, если бы не седина и морщины, причёска скорее девчужке подходила бы, чем бабулечке в годах. На хозяйке дома было длинное платье с широкими юбками в несколько слоёв и кружевная кофта. Всё какого-то чайного цвета, как будто состаренное или и в правду древнее. Девочка была поражена. Такие платья она видела только на старых фарфоровых куклах в музее, а оказывается, их можно и на больших людей шить и как красиво.

– Ты мою лапушку сразила, Машенька, – ласково сказала Екатерина, расставляя на столе изящные чашечки для чая.

– То-то я смотрю, что ты раскрыв рот сидишь, воробушек, – протянула к ней руки Мария Григорьевна.

Девочка радостно подскочила и обняла бабулечку.

– Ты, бабушка Маша, похожа на куколку фарфоровую. Такая миленькая, – внезапно для самой себя сказала малышка.

Женщины рассмеялись.

– Иди я тебе свои сокровища кукольные покажу. Я тут шью кое-что. Не для работы, для души. Понравится, подарю.

На столе в соседней комнате сидел большой тряпичный ангел, опершись руками на края гладильной доски. Русые волосы из пеньки, огромные зелёные нарисованные глаза, чуть заметная притягательная улыбка, тонкие черты лица, худые ручки и ножки. Он как будто смотрел на девочку и улыбался.

«Наконец ты пришла», – прочитала девочка в его взгляде.

Мария Григорьевна внимательно смотрела на девочку, прислонившись к дверному косяку и подперев лицо морщинистым кулачком.

Екатерина обняла её за плечи.

– Ты смотри, – кивнула Мария Григорьевна, – как она сразу к нему пошла, чистые души. А я-то не одного его сейчас мастерю.

Она кивнула на стол, где сидели в разной степени готовности кукляшки, больше похожие на саму хозяйку.

– А она этого долговязого выбрала.

– Это ангел. Перья клею уже три дня. Почти запасы кончились.

– Я тебе привезу, что надо, мы на лето тоже тут. Наши на море.

– А мои должны были третьего дня телеграмму дать из Москвы. Да всё нет. Наверное, загулялись в столице. После Партизанска-то не удивительно.

– Да пусть погуляют, я вон своих тоже отпустила. И Ваське полезно окультурится. Как девятый-то окончил?

– Да тройки одни. Ничего не хочет.

– Ну, ещё успеет захотеть. Два года учиться, что спешить.

– Пойдём, я вспомнила, мне тут студенты на днях привезли конфет и зефира здоровый пакет. Я столько не съем, – усмехнулась Мария Григорьевна.

– Своим оставь.

– Ой, я тебя умоляю. Там всего хватает, – Мария Григорьевна махнула рукой и подтолкнула Екатерину к выходу.

Девочка осторожно погладила тряпичного ангела по руке. Она была тёплая, в меру мягкая и немного шершавая. Казалось, ткань чем-то покрыта. От ангела немного пахло кофе и чем-то, знакомым, но очень отдалённо.

– Как тебя зовут? – шёпотом спросила она.

Ангел как будто немного качнулся, но не ответил, так же пристально глядя своими огромными глазами на малышку.

– Ты очень красивый, прямо как живой, – она осторожно взяла его за руку. – Вот бы бабушка мне тебя разрешила взять хоть ненадолго. Ты же не будешь скучать сильно по своим друзьям?

Ей показалось, что он улыбается как-то иначе.

Она подмигнула ему и пошла посмотреть других кукол. Комната, если и была мастерской, то только для взрослых. Для маленькой девочки это был рай. Настоящий другой мир, где правят куклы и звери. Они здесь живут, рождаются, обретают плоть, характер, историю, дружат или нет. Они живут на полках, в коробках и сундуках. Они старые и новые, они многое видели или только ждут, когда им пришьют пуговку, пластмассовую бусину или нарисуют красками широкие распахнутые глазищи или крошечные точки кончиком кисточки.

Глава 17. Я их слышу

Зайцы и куклы с тряпичными личиками были, конечно, невозможно хороши. Но этот, огромный с зелёными глазами, как будто следил за малышкой и всё ждал, когда она наигра-

ется и вернётся. А уходить из комнаты ей не хотелось вообще. Неужели может быть что-то интереснее всего этого?!

В глубине мастерской обнаружилась вещь и вовсе невиданная. Огромный трёхэтажный дом из фанеры. Он так сильно был завален, засажен и заполнен куклами, что сначала малышка приняла его за стеллаж. Но потом, взяв одну из кукол в пышном платье в руки, обнаружила, что красotka сидела на крыши, удерживаясь лишь тем, что зацепилась своими оборками за дымовую трубу. Девочка осторожно посадила куклу на стол, мгновенно утратив к ней интерес. Постепенно к ней присоединились все остальные «жилыцы». Тут она поняла, что разрешения у бабушки Маши не спросила. Стало стыдно. Но делать нечего, она уже не помнила, кто из них где сидел.

Она было хотела пойти на кухню, повиниться хозяйке. Но решила, что сделает это минут через пять, когда хотя бы одним глазиком рассмотрит комнаты. А посмотреть было на что. В каждой комнате были обои, тряпичные и бумажные, крошечные люстры, красивые старинные диванчики, камин, кровать с балдахином, ванная, кухня и даже конюшня на первом этаже. В ней стояла кремового цвета лошадка с золотой гривой и нарисованными глазами. Девочка села на колени перед домиком и не могла глаз отвести. Какие пять минут! Тут и вечности не хватит, чтобы рассмотреть все три этажа.

Из оцепенения её вырвала Мария Григорьевна. Девочка подскочила и было начала рассказывать, как она суету кукольную навела и почему в домике нет никого, но хозяйка только рассмеялась и обняла её крепко-крепко.

– Я тебе его подарю, если хочешь. У меня сын и внук. Им эти куклы вообще не нужны. Только пообещай, что будешь о нём заботиться. Пыль протирать и на солнце не ставь, а то он высохнет и может искривиться.

Девочка и вовсе потеряла дар речи. Неужели можно получить в подарок такое богатство! Огромный трёхэтажный кукольный дом!

– Он один такой. Его муж делал. И он теперь твой, – Мария Григорьевна погладила крошку по голове. – Видимо, он тебя ждал.

– Ты самая лучшая, бабушка, – девочка уткнулась в старушку и едва могла сдержать слёзы.

– Так, хорош тут рыдать, – вдруг раздался сзади голос Екатерины. – Машенька, спасибо. Это очень дорогой подарок. Я знаю, как он тебе дорог.

– А, ерунда, Катюша. Серёжа вложил в него всю душу. Я скоро с ним встречусь там, – она подняла палец вверх. – А это всё кому? Пусть ей будет. Это девчачьи радости. Я уверена, он там только рад.

– Я когда вырасту, буду делать кукольные домики, – вытирая слёзы, сказала малышка и улыбнулась.

– Вот и славно, – погладила её по голове Мария Григорьевна.

– Кстати, да, она уже не первый раз так говорит, Машенька, – подтвердила Екатерина.

– Тем более, – уверено сказала Мария Григорьевна. – Это знак, девочки. Это знак. Серёженька тебя благословляет. Так и будет, вот увидишь, – Мария Григорьевна снова обняла малышку. – А теперь всё, пойдёмте чай пить с конфетами. Такое дело надо отметить. Как же хорошо всё складывается!

Девочка буквально утопала в колких мурашках с тех самых пор, когда бабушка Маша сказала, что домик теперь её. Они были почти такие же, как там, в церкви, когда она вспомнила себя совсем крошкой. Они были точно такие же, как только что рядом с зеленоглазым ангелом. Выходя из комнаты, она помахала ему рукой и подмигнула.

– Я за тобой вернусь, – шепнула она ему.

День не переставал удивлять. Конфет на столе была просто гора. Несколько открытых коробок, вазочка, тарелка с пышным розовым зефиром. Запах стоял необыкновенный. Лучше

и на новый год не бывало. Она замерла в паре шагов от стола, не веря тому, что это всё по-настоящему.

Мария Григорьевна покачала головой:

– Вы ребёнка вообще сладким не кормите?

– Да сейчас захочешь купить и не купишь, сама знаешь, – отмахнулась рукой Екатерина.

– Знаю, Катюш, шучу, конечно. Да у моего Извекова папа директор фабрики кондитерской. А сам-то парень талантливый, хороший художник. Очень увлечён творчеством Серёженьки. Пишет по нему диплом. Можешь себе представить? И девочка у него хорошая, из простых.

– Вот и славно. Да Извеков нормальный мужик. Как он там выкруживается вообще, чтобы завод до сих пор работал. Я не знаю, – Екатерина села к столу и как-то горестно вздохнула.

– Понимаю тебя, Катюша. Я грешным делом иногда думаю, хорошо, что Серёженька не дожил. Он бы с ума сошёл. Он так во всё это верил. В лучшее будущее, в какого-то идеального человека нового времени. Святой человек.

– Да есть такое, Маша, есть. А тут живёшь в страхе за детей. Не знаешь, как оно завтра повернётся. У нас вон дача есть. Теперь придётся газон под картошку запахать. В этом год ведро посадила, веришь?

– Верю. Я картошку не люблю. Макароны люблю с подливкой. Детдомовское детство. Макароны были всегда. А теперь и тех нету в магазинах.

– Потому что зерна нет. Видела, колхозные поля размежевали? Под дачи отдают.

– Так народ хоть сам прокормится. Это даже лучше.

– Твоя правда. Приедет сын с внуком, ты их тоже наярки грядки тебе накопать, я тебе помогу тут посадить, что надо. Сейчас ещё можно рассаду найти, только 1 июня.

Мария Григорьевна рассмеялась.

– Представлю эту картину. Да он сделает. Он у меня очень к ручному труду приспособлен. Серёженька приучил. Невестка говорит, всё дома что-то мастерит. Лишь бы без дела не сидеть. Даже телевизор не может посмотреть просто так, надо чтоб руки были заняты.

– Ой, у меня мама такая была. Всё время то вяжет, то штопает, то журнал листает с рецептами. Что, говорит, я в твоём телевизоре не видела.

Женщины рассмеялись.

– Да, хороший дядя был, – вдруг сказала малышка. Она стояла у камина в стороне от стола и кусала зефирину, а в другой руке держала семейное фото Машиного сына с женой и малышом. – И красивый очень. Мужчины в форме вообще всегда красивые.

Мария Григорьевна усмехнулась:

– Надо же, как взрослая почти говорит.

А вот Екатерину прошибло холодным потом. Малышка сказала «был». Из её уст это звучало слишком фатально. Слишком внезапно. С её способностями она уже точно что-то знала, даже если не понимала этого.

«Третьего дня должны были дать телеграмму».

Екатерина молчала, кусая губы и не зная, что вообще дальше делать. Вдруг малышка скажет что-то ещё?

– Вот приедет на днях и познакомишься. Он всегда хотел дочек много. А вышел один сын, – вдруг сказала Мария Григорьевна. – И чай снова греть надо.

Екатерина быстро встала и отошла к настольной газовой плитке, чтобы спрятать свой испуганный взгляд от подруги.

Малышка никак не прокомментировала реплику старушки, занятая зефиркой, и Екатерина уже хотела расслабиться, но девочка добавила:

– И тётя тоже.

Екатерина повернулась так, чтобы только девочка видела её лицо и специально чихнула. Девочка повернулась и увидела, как Екатерина бьёт себя пальцем по губам. Приказано молчать. Но что она такого сделала? Девочка побледнела, поставила фотографию на камин и подошла к столу.

– А я тут на днях студентов встречала, они мне столько интересного понарасказывали про наш вуз. Вот бы съездить. Непременно сходить надо на посвящение первого курса осенью, Катюша. Отведёшь меня? Я прямо вся загорелась.

Екатерина осторожно улыбнулась и кивнула, предощущая, что осень сложится совсем иначе. Девочка тем временем спрятала лицо в большую фарфоровую кружку и дула в чай, так сильно, что он даже булькал.

Екатерина хотела сделать замечание, но отчего-то это выглядело забавно и даже трогательно. «Не будет в этом доме больше такой радости», – пронеслось в голове.

Екатерина внезапно ойкнула.

– Что ты, милая? – удивилась Мария Григорьевна.

– По-моему, я объелась сладкого. Икаю, – кривовато улыбнулась та.

– Запей чаем, но имей в виду, что я тебе ещё и домой отсыплю. Примерно килограмма два, – она подмигнула малышке. – Пусть ребёнок хоть на каникулах наестся конфет.

Екатерина согласно кивнула.

Глава 18. Лицо смерти

Екатерина клятвенно обещала себе, что летние каникулы малышка проведёт без её наруганий, попыток залезть в непознанное и прочих научных и ненаучных экспериментов. Но жизнь продолжала происходить.

«Жизнь просто происходит», – часто говаривал Слава, когда прочие аргументы и логические выводы терпели фиаско и оставалось только смириться с неизбежным.

Именно поэтому она решила не расспрашивать, почему малышка говорит о незнакомых ей людях в прошедшем времени. Но сама уже понимала: беда. Её способностей не хватает прозреть, что же задержало в пути племянника и его семью. А одно слово девочки делало эту задержку вечной. Но где-то в глубине души Екатерина отчаянно надеялась, всё это не более чем внутренняя истерика человека, который слишком много времени в жизни посвятил исследованию непознанного и так ничего и понял, кроме того, что есть люди, которым подвластно многое, и те, которым не дадут даже в щёлку посмотреть на суть бытия.

Эта робкая надежда зиждилась на том, что в её практике не было ни одного провидца, шамана или экстрасенса, который бы давал всегда верные предсказания. Очень надеялась она и на то, что малышке не дали боги такого уникального дара. Где-то должна быть осечка. Такого они ещё не пробовали. С таким не сталкивались. Просто она цепляется к словам. Просто везде видит что-то. И это тоже последствия работы в закрытом институте. Их учили оглаживаться, их учили быть настороже. Они всегда чувствовали себя в опасности, всегда на острие. Разве сейчас не так же?

Екатерина решила съездить в город за продуктами и заодно привезти Маше всяких рукодельных запасов. Пусть с девочкой занимается. Малышка отвлечётся. И славно. Не будет лишних мыслей, не будут они обе биться над поисками истины и познания жизни и смерти.

– В город съездим, – сказала она вслух. – Заодно попросим Славочку новый дом твой как-то перевезти туда. Будешь играть дома.

– Уииии! – запищала девчушка и весело затопала ногами. – Мой домик!

Екатерина улыбнулась: ну вот, просто ребёнок. Просто малыш с новой игрушкой.

«Всё будет хорошо», – пыталась она убедить себя, хотя какая-то тёмно-серая тень теперь всё время стояла за образом Маши в её мыслях. Плотная серая тьма, бесформенная и от того

страшная. Екатерина тряхнула головой, отгоняя дурные мысли и пошла в спальню, поискать в столе расписание местного автобуса.

Дома в почтовом ящике ждало извещение о телеграмме из Ялты. Значит, всё нормально. Надюша с мужем в порядке. А вот Мария... Девочка молчала и Екатерина не спрашивала. Боялась услышать подтверждение своим мыслям.

Уставшие после дороги и от летней жары, они рано легли спать. Ночью под бок Екатерине нырнула взмокшая от пота и горячая девочка:

– Боюсь спать, страшный сон снится, – шёпотом сказала она, прижимаясь к бабушке.

– Расскажи, я его заколдую и в окошко выброшу, чтобы не снился, – попыталась пошутить Екатерина.

– Снится бабушки Маши сын и тётя с ним, и мальчик. Они вон там стоят, – она показала рукой, куда-то в сторону изножья своей кровати. – Стоят и просто говорят: «Скажи ей, скажи». И так каждую ночь.

– Ты давно их видишь? – заикаясь от ужаса, спросила Екатерина.

– Три ночи. Я просто не знала, кто это. А это они, – она ещё сильнее прижалась к бабушке.

Екатерина почувствовала, как её саму колотит от какого-то суеверного ужаса. Она пристально вглядывалась в темноту, пытаясь различить там силуэты племянника и его семью. Спросонья ей казалось, что темнота комнаты колыхается и в ней действительно кто-то есть. Когда проезжающий где-то проспектом грузовик развернулся напротив окон, зацепив фарами их комнатнуюшку на первом этаже, Екатерина даже вскрикнула. Показалось, что она видит их отчётливо. И лишь мгновение спустя сообразила, что это на вешалке висит на стене школьное платье малышки с готовыми бантами на резинке. А показались две склонённые головы и тощее плечо. Вешалка, будь она неладна.

Так и не убрала в шкаф. Сразу после линейки уехали на дачу, подальше ото всех и от своих мыслей. Уехать уехали. Вот только от предназначения не сбежишь. Неужели и правда, такие сны вещице бывают? Бедная. Она ведь до вчерашнего дня даже не понимала, что за чужие люди стучатся к ней в сон. Боялась, наверняка, молчала, чтобы опять бабушка не ставила на ней свои причудливые опыты.

Горе-то какое. И что же делать?

Что ж делать?!

До утра Екатерина боялась даже глаза закрыть. Всё казалось, что покойники сами собой встанут посреди комнаты. Она уже на сто процентов была уверена, что их нет в живых. Малышка снова не ошиблась. Подтверждением тому были её сны.

Утром принесли телеграмму. Почтальон посетовала, что приходится ходить второй раз. Екатерина молча расписалась за бумажку, наскоро глянув текст: «Море прекрасное, всё хорошо. Как дочка?»

– Завтра маме и папе тоже телеграмму дадим, что у нас всё хорошо и мы на каникулах на даче, – сказала Екатерина, входя на кухню.

– А про них напишем? – спросила малышка, ткнув в пустоту кухни блинчиком на вилке.

Екатерина чуть не выронила листок. На кухне точно никого не было, но малышка была сурова и расстроена. Она чётко смотрела на что-то посреди кухни. Не на шкафы дальше, не на холодильник. Взгляд как будто застыл ровно посередине комнаты, там, где в реальности было пусто.

– Можно как-то сделать, чтобы я их не видела? – чуть не плача, спросила малышка.

– Кого? – испуганным голосом спросила Екатерина.

– Васю и его родителей. Тётя плачет всё время. Мальчик тоже расстроен. А дядя говорит, что Маша этого не переживёт.

Екатерина села рядом с ней за стол, положила телеграмму около пустой тарелки и уставилась в пространство. Есть перехотелось моментально.

Она никого не видела. Вообще никого. Никакой тени, никакого движения, никакого хоть малость заметного тумана или чего-то такого. Она только чувствовала ужас, холодный пот струйкой по спине, озноб и дрожь в руках. Одно дело лаборатория и попытки понять, сумасшедший перед тобой, блаженный или пророк. Другое дело её собственная кухня, её племянник и её внучка. Все они сейчас были связаны одним страшным горем. Они по ту сторону. И все здесь, в этой крошечной кухне это знают. Они не хотели умирать и, разумеется, не смирились. Девочка видит и слышит их. А она – нет.

Мать ещё не чувствует там на даче, что ждать больше некого. Но где доказательства? Как она может так опрометчиво заявить это, как факт? А если они действительно попали в беду, но просто в коме или под наркозом или ещё что-то? Такое тоже было. Это она точно знает. Душа иногда покидает тело, а потом возвращается. Такая новость Марию убьёт. Она не имеет права. Никто не имеет права. Должны быть железобетонные доказательства. Никак иначе.

– Спроси их, что случилось, – сухим чужим голосом внезапно для самой себя сказала Екатерина.

– Я боюсь! – выкрикнула в слезах малышка. – Я же знаю, что они умерли. А Сашка Гордеев сказал, что с мертвецами разговаривать нельзя. Они могут с собой забрать. А я только и делаю, что с ними разговариваю, – она бросила вилку через всю кухню и выскочила вон, громко рыдая.

Екатерина минуту помедлила. Потом посмотрела куда-то в пустоту, где по её мнению, могли быть их близкие:

– Извините, – сказала она им и вышла за малышкой.

– Прости меня, – обратилась она к внучке, осторожно присаживаясь на кровать.

Девочка лежала ничком и громко плакала в подушку, трясясь всем телом.

– Мы не можем сказать Маше, ты же понимаешь. Она старенькая, её это убьёт. Пока она не знает, есть надежда. Вдруг они просто тяжело заболели, и душа странствует, пока врачи делают операцию. Ещё в кому люди впадают иногда, если сильная травма головы, например, – Екатерина пыталась логикой победить страх у себя и малышки.

– В кому? – спросила откуда-то из подушки девочка.

– Да, это когда человек как будто спит, но на самом деле тяжёлая травма не даёт его телу жить. Это если очень кратко. Вдруг с ними так. Поэтому и хотела спросить. Может, им помочь можно, – она ласково погладила малышку.

– Нельзя. Они четыре дня назад умерли. Автобус перевернулся экскурсионный. Пожар был. В газетах писали, – ответила девочка также не поднимая голову от подушки.

– Это они сказали? – спросила Екатерина, уже с трудом удерживая себя в сознании. Дико было представить, что маленькая девочка видит покойников, как живых, они с ней разговаривают. Здесь, при ней, прямо сейчас, в её квартире, среди бела дня. Кто-то вторгается в жизнь малышки, а она не может ровным счётом ничего сделать. Вообще ничего. Совсем.

Екатерина пошла на кухню за каплями от сердца. Ещё одно откровение и писать телеграмму в Ялту будет некому.

Это уже слишком.

Ещё некоторое время сидели молча. Екатерина с трудом дышала, пытаясь унять сердечный приступ и прийти в себя. Малышка хлюпала соплями, отвернувшись от бабушки, и отказывалась разговаривать.

Наконец, Екатерина немного успокоилась и решила снова попросить малышку поговорить с ними:

– Зайка, прошу, ты можешь им передать мои слова?

– Да, – сурово ответила кроха.

– Они здесь или в кухне?

– Здесь.

Сердце опять больно кольнуло.

– Не бойся, я сама и боюсь, – почему-то ответила малышка. – Ты просто говори. Они тебя слышат. Я могу молчать, – добавила она.

– Хорошо. Значит так. Любимые мои, – голос её дрогнул. – Я скорблю о вашей беде. Мы ещё ничего не знаем. Телеграмму от вас Машенька ждёт до сих пор. Сама ей я ничего говорить не буду. Это её убьёт. У меня нет никаких доказательств. Когда будут официальные данные, я обещаю, что буду рядом и сделаю всё, чтобы вас похоронили и позаботились о вас наилучшим образом.

Внезапно она разрыдалась в голос, закрывая рот ладошкой. Крик рвался наружу неистовый и отчаянный. В первый раз она полностью и до самой глубины осознала, что их нет, как будто их боль и скорбь проникли сквозь всё её существо и трагедия обрела плоть и кровь. Девочка сползла с кровати, подошла к ней и обняла за плечи своими маленькими ручонками.

– Они умерли раньше, чем пожар начался, – сказала она. – Вася просил передать, что им не было больно, только очень страшно. Очень.

Екатерина покивала головой, ощутив себя в салоне автобуса, летящего с обрыва вниз. Вокруг сумки, газеты, бутылка с «Тархуном» пронеслась, разбив стекло. Страшно кричали все: мужчины, женщины, дети. Никому не спастись. Слишком высоко, слишком высоко.

– Ааа, – кричала Екатерина на всю комнату не в силах вынырнуть из этого наваждения, а малышка просто сползла на пол около кресла и тихонько плакала, уткнувшись в свои коленки. Она тоже видела это всё уже битых три дня и не могла ничего сделать. Она молилась, просила все силы и всех богов, чтобы они остались живы. Но сама понимала, что видит лишь последствия трагедии, уже свершившееся. Ничего не изменить. Так зачем этот дар, если от него только боль, только страдания?

Ещё какое-то время Екатерина просто сидела, вздрагивая и вытирая потоки слёз руками. Горло охрипло от крика. Соседей, видимо, не было дома, иначе бы уже звонили в дверь.

Такой крик наверняка слышно было со всех сторон.

– Они здесь? – охрипшим голосом спросила она.

– Да, – раздалось откуда-то снизу.

– Иди на ручки.

Девочка охотно поднялась и забралась к ней на руки.

– Господи, как же тебе должно быть страшно и больно всё это видеть, – она крепко-крепко обняла малышку.

– Очень, – тихо сказала малышка, тыкаясь носом в её плечо.

– Как же их отпустить? – спросила сама себя Екатерина.

Малышка только пожала плечами.

– Вы меня слышите? – снова спросила Екатерина.

– Слышат, – ответила за них девочка, не поворачиваясь.

– Значит так, я вас очень прошу, покиньте мой дом. Вы умерли. Этого не изменить. Вы пугаете девочку. Я всё сделаю, что обещала, и ни на минуту не оставлю вашу маму и бабушку. Она мне подруга и родной человек. Если надо, жить у неё буду. Обещаю. Пожалейте хотя бы малышку, – её голос дрогнул. – Она ведь вам кровница, родня. Ей очень страшно. Она одна в нашем роду видит такое. А ей всего 9 лет. Мы все вас ждали, мы вас любим и любить будем всегда. Но вам здесь не место. Вам пора на небо.

Екатерина снова вытерла рукой лицо, слёзы никак не унимались. И откуда в организме столько воды, ужас просто. Нос опух и уже почти не дышал. Лицо щипало, сердце болело невыносимо, и это она взрослая, сильная. Она войну пережила. Такое видела, что не дай бог. Мысли неслись сплошным потоком, вытаскивая на поверхность всё самое страшное и отвратительное, что ей только виделось за всю жизнь. Она сильно зажмурилась и обняла малышку ещё крепче. Та стиснула её за шею до боли.

Живым место среди живых. Мёртвым среди мёртвых.

– Они ушли, – вдруг сказала малышка, – в белое облако.

– Господи, спасибо, – Екатерина снова расплакалась.

Глава 19. Без ошибок

– Катенька, Катюша, милая, – Мария Григорьевна никак не могла сформулировать мысль, просто плакала в трубку, но Екатерина итак знала, что она хочет сказать. Свои слёзы она уже почти выплакала за эти дни. Всё видела. Всё знала. И дорого бы дала, чтобы не обладать этим знанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.